

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) –1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: iarll.yahyaoung@gmail.com

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы

Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:
Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:
Марзие Яхьяпур

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и межкультурной коммуникации, НП ВПО «Прикамский социальный институт» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.
ISSN 2345-2498

Тегеран - Иран
www.iarll.ir

СОДЕРЖАНИЕ

Компьютерный сленг в лингвистическом описании	Тамара Ерофеева	5
К вопросу о сопоставительном изучении темы жизни и смерти в «Маснави» Мевланы и «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстого	Мехрнуш Шаабани / Джанолах Карими-Мотаххар	25
Мотив богообщения в русской поэзии первой трети XIX века	Татьяна Нестерова	41
Формирование литературной репутации А.П. Чехова в России рубежа XIX – XX веков	Лия Бушканец	57
Концепция циклического времени в произведениях Е.И. Замятина, А.П. Платонова и М.М. Пришвина	Ирина Попова	75
А.С. Хомяков и Н.П. Гиляров-Платонов (К истории знакомства и творческих взаимоотношений)	Андрей Дмитриев	91
Прагматический подход к анализу произведения «Слово о полку Игореве»	Саиде Дастамуз	107
.....		
Краткие содержания		7

Компьютерный сленг в лингвистическом описании

Тамара Ерофеева*

Профессор, Пермский государственный национальный
исследовательский университет.

Пермь, Россия

(дата получения: апрель 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

Сфера компьютерных технологий создает свой специальный язык, который сегодня представлен как богатой терминологической системой, так и профессиональным сленгом. В статье предпринята попытка определения русской традиции использования термина *сленг*, получившего широкое распространение, начиная с 80-х гг. XX в. В компьютерной сфере сленгизмы составляют достаточно многочисленный пласт лексики, который можно представить, используя способ определения построения семантического поля. 278 лексических единиц компьютерного сленга, отобранного методом сплошной выборки из словаря Т.Г. Никитиной «Молодежный сленг: толковый словарь», 2004 (от А до К), распределены по пяти тематическим группам: 1) программы и функции; 2) системы, символы и знаки; 3) действия и команды; 4) детали и устройства; 5) человек. Используя процентные данные, определяем семантическое поле компьютерной лексики. На первом месте оказывается группа 4, подробно описывающая устройство компьютера, а действия (группа 3), тоже важные компоненты для пользователя, занимают второе место. Группа 1 – 3 место – также оказалась представительной, поскольку описывает руководство к действию. На четвертом месте группа 2, составляющая $\approx 9\%$ в семантическом поле компьютерной лексики и, несомненно, важный элемент данной системы. На последнем месте оказалась группа «Человек», определяющая того, кто приводит в действие эту систему. Таким образом, с помощью построения семантического поля определяются специфические особенности лексики компьютерного сленга.

Ключевые слова: компьютерный сленг, метод сплошной выборки, сленгизмы, семантическое поле, тематические группы.

---

* E-mail: genling.psu@gmail.com

Введение

Начиная с 90-х гг. XX столетия, одним из наиболее активных и социально значимых языковых процессов в русском языке оказался процесс заимствования иноязычных слов, и в первую очередь английских. Сегодня английские заимствования представлены широко во всех сферах жизни – политической, экономической, финансовой, технической, бытовой, в сфере искусства, спорта и т.д.

Наибольшее количество англоязычных заимствований в русском языке относится к сфере компьютеров и компьютерных технологии. Начиная своё существование в языке в качестве терминов, заимствования очень быстро переходят из лексикона программистов и разработчиков компьютерной техники в разряд общеупотребительных, так как количество людей, имеющих отношение к компьютерам, постоянно увеличивается. Возникает так называемый компьютерный сленг.

Основная часть

Несмотря на огромное количество трудов, посвященных сленгу, в языкознании нет однозначного определения этого термина. В российском языкознании чаще всего приводится определение В.А. Хомякова: «Общий сленг – это относительно устойчивая для определенного периода, широко распространенная и *общепонятная социальная речевая микросистема в просторечии...* с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра... (Хомяков. 1971. 39); это «компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный... по степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» (Хомяков. 1980. 43-44).

Однако это определение отражает национальную специфику английского языка. Обратимся к данным лингвистических и энциклопедических словарей, фиксирующих русскую традицию использования термина.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой под сленгом

понимается «1) Разговорный вариант профессиональной речи; 2) Элементы разговорного варианта той или иной социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску» (Ахманова. 1966. 419). Такая точка зрения – «сленг – это особый словарь» – была довольно широко распространена в 60-80-х гг. и противопоставлялась пониманию жаргона как языка (*разрядка наша – Т.Е.*) устного общения группы людей. См. определение жаргона в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемый (обычно в устном общении) отдельной социальной группой» [Ахманова 1966. 148].

В 80-е гг. все большее число сторонников находит точка зрения, признающая сленг одним из видов разговорной речи. Так, в «Советском энциклопедическом словаре» сленг определяется как «речь (*разрядка наша – Т.Е.*) профессионально обособленной группы в противоположность литературному языку» (Советский энциклопедический словарь. 1980. 1234). И в этом качестве определения сленга и жаргона совпали. В энциклопедии «Русский язык» (под редакцией Ф.П. Филина) дается следующее определение жаргона: «Жаргон (франц.) *jargon*) – социальная разновидность речи (*разрядка наша. – Т.Е.*), характеризующаяся профессиональной (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией общенародного языка. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью занятий, интересов, привычек, социального положения... Студенческий жаргон составляет в русском языке основу молодежного сленга» (Русский язык, 1979. 82).

В связи с таким положением дел вполне законно представление дефиниции сленга как синонима дефиниции жаргона, что и фиксирует

«Большой энциклопедический словарь» (глав. ред. А.М. Прохоров): «Сленг – 1. То же, что жаргон, преимущественно в англоязычных странах» (с. 1110).

Такую же позицию занимает Т.Г. Никитина, автор словаря «Молодежный сленг» (2-е изд., 2009 г.). В предисловии к словарю читаем: «Термин сленг мы понимаем как синоним слова жаргон, которое обозначает социальную разновидность речи, характеризующуюся, в отличие от общенародного языка, специфической «лексикой и фразеологией... Тем не менее термины жаргон и сленг различаются культурно-историческими коннотациями и традициями употребления» (Никитина. 2009. 3). По наблюдениям Т.Г. Никитиной, пришедшее из английского языка заимствование *сленг* постепенно вытесняет слово *жаргон*.

Справедливости ради следует отметить, что в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина термины жаргон и сленг различаются, отражая историческую специфику их использования в русской лингвистике: «Жаргон, а, м. [фр. jargon]. Речь (выделение наше. – Т.Е.) социально и профессионально замкнутой группы, отличающаяся от общепотребительного языка специфическими словами и оборотами» (Крысин. 1998. 252).

«Сленг [лэ], а, м. [англ. slang], лингв. Слова и выражения (выделение наше. – Т.Е.), употребляемые людьми определенных возрастных групп, профессий, социальных прослоек и т.п. (чаще – применительно к англоязычным странам)» (Крысин. 1998. 651).

В Пермской школе социолингвистики с 1991 г. заявляется синонимичность «старого» термина жаргон и «нового», имеющего сегодня широкое употребление, англицизма сленг. Жаргон, равно как и сленг, рассматривается как определенная речевая сфера, выделяемая на основе ряда экстралингвистических факторов, а именно социальных характеристик говорящих, и как особая разновидность речи [Ерофеева Т. 1991; Ерофеева Е. 2005 – в работе есть подраздел «Молодежный жаргон (сленг)»].

Жаргонизированная речь складывается и существует в силу установки на фамильярно-сниженный стиль речи при социально-речевой общности группы, относительно едином возрасте и повседневном бытовом общении говорящих, а, как считает М.Н. Кожина, «специфические задачи общения в каждой сфере деятельности порождают свои принципы отбора и сочетания языковых средств и свои закономерности их функционирования, что и создает своеобразную речевую организацию в той или иной области общения, той или иной разновидности языка» (Кожина. 1966. 13).

Сфера компьютерных технологий создает свой специальный язык, который сегодня представлен как богатой терминологической системой, так и профессиональным жаргоном-сленгом. Последний используется в непосредственном межличностном общении, электронных переписках и представляет своеобразную лексическую систему. «Наибольшее своеобразие сленга проявляется на лексическом и словообразовательном уровнях, тогда как морфологический мало чем отличается от литературного языка, а синтаксический функционально уподобляется синтаксическому уровню разговорной речи. Тем не менее молодежный сленг можно считать системой с собственными взаимно обусловленными и взаимодействующими лексическими и словообразовательными единицами, образующие определенное единство и целостность, кроме этого, эта система выполняет присущие лишь ей функции» (Кюльмоя 2000. 122).

Пути и способы образования англицизмов компьютерного сленга весьма разнообразны. Как отмечает А.В. Чубарова (Чубарова. 2002), одним из самых распространенных способов является полное заимствование. Слово заимствуется целиком со своим произношением, написанием и значением. Каждый звук в заимствуемом слове замещается соответствующим звуком в русском языке в соответствии с фонетическими законами. Например: *device* – *девайс*; *keyboard* – *кейборд*, *киборд*; *hard drive* – *хард*.

Заимствование слов возможно и способом полукальки. В этом случае слово подвергается не только фонетической, но и грамматической

трансформации. К основе английского слова прибавляются словообразовательные средства русского языка: уменьшительно-ласкательный суффикс -к- (CD-ROM – *сидиромка*), суффикс -ук (CD – *сидюк*), окончания к глаголам (to connect – *коннектиться*, to click – *кликать*) и т.п. Иногда заимствованный элемент – корневая морфема или аббревиатура – сохраняется в латинской графической форме: *FTP-сервер*, *MIDI-контроллер*.

Для создания сленговых единиц используется также перевод с помощью общеупотребительной лексики. Например, Windows – *форточки*. При этом возникающие метафоры могут характеризовать предмет по форме (disk – *блин*) или по принципу работы (matrix printer – *вжикалка*). Многочисленны глагольные метафоры: to seek something on a disk – *шуршать* и др. При переводе встречаются слова из молодежного, уголовного и др. сленгов: incorrect program – *глюкало*, steamer – *мафон*, microassembler programmer – *мокрушник* и др.

В качестве способа образования компьютерного сленга имеет место и фонетическая мимикрия – совпадение форм семантически несхожих общеупотребительных слов и английских компьютерных терминов. Например: error – *Егор*, button – *батон*. Возможны случаи совпадения только части слова (break point – *брякпоинт*); есть слова, у которых одна часть – фонетическое подражание, а другая – перевод (cache memory – *кэш-память*). К последней группе переводов относятся названия различных программ: Corel Draw – *король дров*, AutoCad – *автогад*. К фонетической мимикрии можно отнести и случаи звукоподражания без каких-либо сходств с единицами общеупотребительной лексики, например, MS-DOS – *мздос*.

В компьютерной сфере сленгизмы составляют достаточно многочисленный пласт лексики, который можно представить, используя способ определения семантических полей. Воспользуемся классификацией, принятой в работах А.Б. Кутузова и А.В. Чубаровой [2002: 18]. Выделено 5 тематических групп: 1) программы и функции; 2) системы, символы и знаки; 3) действия и команды; 4) детали и устройства; 5) человек.

В общей сложности проанализировано 278 лексических единиц компьютерного сленга, отобранного методом сплошной выборки из словаря Т.Г. Никитиной «Молодежный сленг: толковый словарь» (2004) (от А до К).

Тематическую группу «Программы и функции» составили 51 единица (группа 1). Сюда вошли сленгизмы, характеризующие программное обеспечение: названия программ, их функций и элементов:

Группа 1.»Программы и функции» -- 51 единица.

- автогад* – система проектирования AutoCad;
- автоклав* – программа распознавания языков;
- айдийная игра* – игра, созданная фирмой id;
- алдус пожмакер* – программа Aldus Page-Maker;
- апликуха* – прикладная программа;
- аркада, аркадник* – аркадная игра категории action;
- аська* – компьютерная программа ICQ, обеспечивающая интерактивное общение в интернете;
- аут* – сбой в работе операционной системы;
- баг* – ошибка, сбой в программе;
- бродилка* – компьютерная игра, в которой нужно ходить, искать выход и выполнять различные действия;
- букварь* – книжка-руководство для пользователя;
- висюк* – сбой в работе операционной системы;
- гама, гейма* – компьютерная игра;
- гибкий* – часто дающий сбой (о программе);
- глюк* – сбой в работе программы (старый глюк лучше новых двух);
- глюкала, глюкало* – программа, имеющая красивый внешний вид, развернутую систему меню;
- гнилой* – работающий со сбоями;
- гнус, гнусавый* – программа GNUC;
- гога* – ошибка (от англ. error);

голдед – редактор почты Gold Edit;
груша – компьютерная игра;
демонстраха, демонстрашка – демонстрационная версия компьютерной программы;
доза – операционная система MS-DOS;
долби́ла – программа-прозвонщик;
ДОС нафигатор – операционная система;
досёвый – предназначенный для работы в системе;
дурвер – программа-антивирус Dr.Web;
дурдос, дырдос – операционная система DR-DOS
едритор – программа-редактор (от англ. editor);
ёксель-моксель – Microsoft Excel, прикладной пакет под Windows;
ёхал – название программы Excel
ехит из ДОС – выход в ДОС;
жена – более ранняя версия компьютерной программы;
зату́женный – сжатый архиватором Zoo;
игруха, игрушка – компьютерная игра;
иконка – пиктограмма, обозначающая доступный пользователю объект – файл, директорию и т.п.;
иксы – графическая среда для работы с операционной системой класса UNIX;
инет – интернет;
ирка – программа IRQ;
искалка – поисковая система;
кириллизатор – программа русификации экрана или клавиатуры;
клинч – сбой в работе операционной системы;
клоп – ошибка, сбой в программе;
клоподав, клопомор – программа-отладчик для поиска и исправления ошибок, сбоев в программе;
кобель – язык программирования COBOL;

коран – документация к программному обеспечению;
кряк – взломанная программа;
кряк, крякалка – программа-взломщик;
ксюха, ксюша – программа-мейлер XENIA;
кум – менеджер памяти (QEMM) – программа, изменяющая конфигурации оперативной памяти компьютера;
под дозой – в системе MS-DOS;

Группа 2. «Знаки, символы, системы» – 25 единиц.

аккорд – выход из программы тремя кнопками Alt-Ctrl-Delete;
база – все письма электронной почты, находящиеся на узле;
бацилла – компьютерный вирус;
бэп – значок «@»;
виндовоз – операционная система MS Windows;
виндуз, виндуза, виндузы – операционная система MS Windows;
виндюк – операционная система MS Windows;
вир – компьютерный вирус;
вирусяка – компьютерный вирус;
выньворд – текстовый редактор MS Word;
вынь95 – операционная система Windows 95;
глист – компьютерный вирус;
еггог, эггог – ошибка;
егор – ошибка;
емеля – адрес электронной почты (e-mail);
на емелю – на адрес e-mail;
жук – компьютерный вирус;
зы – русифицированное сокращение P.S. (постскриптум);
иксы – графическая среда для работы с операционными системами семейства Unix;
имеил – электронная почта (e-mail);

имхо – «по моему мнению»;

искалка – поисковая система в интернете;

краказябла – символ, обозначающий параграф;

крюкозябл – нечитаемый символ, возникающий из-за несоответствия кодировок для национальных алфавитов;

ку – повтор сообщения.

Группа 3. «Действия, команды» – 72 единицы.

апгрейдить – обновить что-л. (от англ. upgrade);

аржить – использовать архиватор Arj;

бизевать – издавать сигнал занятости «busy»;

бомба2 – неверная команда, вызывающая порчу программы;

бороть – справляться с неисправностями в программе или компьютере;

бросать – отправлять кому-л. сообщение;

бузить – издавать сигнал занятости «busy»;

бутить, забутить – перезагружать компьютер;

ваять – издавать что-л., требующее достаточно длительной работы;

взять аккорд – выйти из программы одновременным нажатием клавиш Alt-Ctrl-Delete;

висеть – не реагировать на команды извне (о компьютере);

виснуть – перестать реагировать на команды извне (о компьютере);

всосать – принять что-л. по модему;

выжечь болванку – сделать запись на компакт-диск;

гамить, гамиться – играть в компьютерную игру;

гамOVER – 1) конец игры; 2) несанкционированная остановка компьютерной игры;

глючить – работать со сбоями (о программе);

глюки полировать – отлаживать внешний вид программы;

глюкало полировать – заниматься излишним украшательством компьютерной программы;

- генерить* – создавать программный продукт с помощью полуавтоматических средств;
- гдохнуться* – сломаться;
- грузить* – загружать;
- грузиться* – загружаться;
- гуглить* – искать информацию о чем-л. в поисковой системе Google (Гугл);
- давить на клави* – работать на клавиатуре;
- делать* – удалять файл, фрагмент файла командой delete;
- дыгать базой* – выполнять обращение к диску;
- дуля* – выход из программы одновременным нажатием клавиш Alt-Ctrl-Delete;
- думать* – играть в «DOOM»;
- жать (топтать) батоны* – работать с клавиатурой;
- закачать* – сохранить информацию на диск, в память компьютера;
- залипнуть* – дать сбой (о компьютерной программе);
- забоориться* – запустить какую-л. операцию по непрерывному циклу (loop);
- заляпон* – сбой, ошибка;
- запаковать* – заархивировать файл;
- запринтить* – напечатать что-л. на принтере;
- запутать* – записать файл (root);
- зарегить* – зарегистрировать что-л., кого-л.;
- засейвить* – сохранить файл;
- засетупить* – установить программу (setup);
- заснуть* – перейти в режим сниженного энергопотребления (о компьютере);
- зафрекать* – сделать запрос на файл со станции;
- зашарить* – предоставить совместный доступ к какой-л. информации;
- заююканный* – закодированный в системе UUCode;
- заююкать, заюючить* – переслать файл, закодированный в системе

UUCode;

zipнутый – сжатый архиватором в формате .zip;

zipровать – использовать архиватор;

завернуть – заархивировать файл;

завис – полное прекращение функционирования компьютера;

зависнуть – дать сбой (о компьютерной программе);

заворачивать – архивировать файл;

зазеленеть – перейти в режим сниженного энергопотребления;

заинсталлить – установить (программу);

испохабить – пустить по хабам – сетевым узлам (о компьютерной почте);

катать – задавать команду cut;

качнуть – скопировать файл;

квакать – играть в компьютерную игру «Quake»;

киллануть, килять – полностью прекратить выполнение какой-л. операции на компьютере, «убить» процесс;

кликать – нажимать кнопки мыши или клавиатуры;

кликнуть батон – нажать клавишу;

кинуть – сохранить файл в определенном месте;

кинуться – передать кому-л. какую-л. информацию по электронной почте;

ковырнуть – вскрыть какое-л. программное обеспечение и изменить в нем данные по своему усмотрению;

конвертить – произвести конвертацию файла в другой формат;

конфигурять – менять конфигурацию частей программы;

коннектиться – связываться через модем;

креатить – создавать что-л., например, каталог на диске;

крутить – архивировать файл;

крушить – вскрыть какое-л. программное обеспечение и изменить в нем данные по своему усмотрению;

крякнуть – вскрыть защиту программного обеспечения и изменить в нем данные по своему усмотрению;

кутать, кутить, кutowать – резать, разрезать файл;

Группа 4. «Детали, устройства, приборы» – 115 единиц

азер – компилятор фирмы Асер;

аржаной – заархивированный (о файле);

батон – кнопка, клавиша;

бима – компьютер фирмы IBN;

бипер – встроенный динамик;

блевава – почтовая система bluewave;

блинница – проигрыватель компакт-дисков;

болванка – компакт диск без записи;

бомба1 – большой пакет сообщений или одно большое сообщение;

борода – соединительный шлейф внутри компьютера;

бречало – матричный принтер;

бутявка, бутяшка – загрузочная дискета;

быстроух – эхопроцессор Fast Echo;

бычок – ноутбук;

вано, ванька – жесткий диск, винчестер;

васик – язык программирования Basic;

вата – компилятор фирмы Watcom;

веник, вентилятор – винчестер, жесткий диск;

веревка – провод, соединяющий компьютеры через порты;

вес – объем файла в килобайтах;

ветер перемен – смена операционной системы на компьютере;

вжикалка – матричный принтер;

видюха – видеокарта;

винт, винч – винчестер, жесткий диск;

геркулес – устаревший черно-белый или черно-желтый адаптер;

гиг – гигабайт;

гиговый – гигабайтный;

гифак – графический файл с расширением .gif;
гифчик – графический файл с расширением .gif;
глаз – монитор;
глюкала, глюкало – компьютер;
глядело – монитор;
градусник – изображение процента готовности задания;
гроб – корпус системного блока;
грызун – манипулятор «мышь»;
девица – любое устройство;
девочка – новая, неотформатированная дискета;
девушка – любое устройство;
дира – директория, каталог файлов;
дисковерт, дискодрайв, дискокрут – дисковод;
дисочек – компакт диск;
дисплей – дисплей;
док, дока – текстовый файл с расширением .doc;
доска – клавиатура;
драйв – дисковод;
тяжелый драйв – жесткий диск;
дрова – компьютер старой отечественной модели; служебные программы, обеспечивающие работу отдельных частей компьютера;
дрюкер – принтер;
дюпель сплюснутый, дюпель плюснутый – диск, сжатый Double Space;
дупло – зона, куда сбрасываются дублирующие сообщения;
ега – видеоадаптер EGA;
ега не ежит – визуальные помехи на дисплее;
железка – компьютер;
железо – аппаратная часть компьютера;
железяка – компьютер;
жужунчик – дисковод гибких дисков 3,5”;

жужулятор – винчестер;
жук – вентилятор в блоке питания;
запоминало – автоматическое запоминающее устройство;
заржавленный – заархивированный;
звезда – схема постройки сети, тип сетевой связи;
звуковуха – звуковая карта;
хаёвая денситина – высокая плотность записи на дискете;
зухель, зюх, зюхель – модем фирмы Zухel;
ибэма – компьютер IBM;
исашный – предназначенный для шины ISA;
кабло – кабель сопряжения;
кадешник – проигрыватель компакт-дисков; накопитель на лазерных
дисках CD-ROM;
камень – микросхема ROM в керамическом корпусе;
камни – оперативная память компьютера;
карга – видеоадаптер;
карман – дисковод;
катало – манипулятор «мышь»;
каша – cash memoгу – специальная область быстродействующей памяти;
кейборда – клавиатура;
кенар, кенарь – сканер;
кея – клавиатура;
кибод – клавиатура (от англ. keyboard);
кирпич – процессор CPU;
клава – клавиатура;
клава – клавиша;
клавир – клавиатура;
клин – невыполнение очистки экрана по завершении работы программы;
кобель – кабель сопряжения;
колбаса – мультикарта Local Bus;

кольт – дисковод гибких дисков 3,5”;

комп, компик, компутер, компук, компустер, компухтер – персональный компьютер;

компостер – перфоратор;

коннекшен – связь, сеанс связи;

контрол-брык – Ctrl-Break – клавиши для выхода из большинства программ;

конфигус – конфигурационный файл для MS DOS;

конь – винчестер CONNER;

корела, корельский – графический редактор Corel Draw;

король дров – графический редактор Corel Draw;

кривизна – некорректная работа компьютера;

кривой – плохо работающий;

кроватька, кровать – панель для микросхемы;

крокодил – компьютер Green PC;

крутило – дисковод;

крыса – манипулятор «мышь»;

крысодром – коврик для мыши;

кряк, кряк, крякалка – программа-взломщик;

кулек – кулер, вентилятор-охладитель.

Группа 5. «Человек» – 15 единиц.

админ – системный администратор;

алкоголик – программист, пишущий код на Алголе;

виртуал – человек, никогда не называющий своего настоящего имени и не встречающийся в реальной жизни со своими партнерами по виртуальному общению;

гамер – большой любитель компьютерных игр;

геймер – игрок, любитель компьютерных игр;

гук – пользователь (слово user, набранное без переключения раскладки

клавиатуры);
гость – временный пользователь системы;
драйвер – 1) человек, работающий с сетевым адаптером компьютеров; 2)
 продавец компьютеров;
димер – большой любитель игры DOOM;
железячник – человек, занимающийся техническим обеспечением;
зизоп – системный оператор;
золотоед – редактор почты Gold Edit;
истматик – программист, пишущий код на Алголе;
квакер – человек, играющий в Quake;
кул – опытный программист.

Приняв 278 единиц за 100%, представим процентное содержание каждой из 5 групп:

I группа – 51 единицы – 18,34%
 II группа – 25 единиц – 8,99%
 III группа – 72 единицы – 25,89%
 IV группа – 115 единиц – 41,36%
 V группа – 15 единиц – 5,39%

Итого – 278 единиц – 100%

Используя процентные данные, покажем, как схематично можно определить семантическое поле компьютерной лексики (см. рис.):

Рис. Схема семантического поля компьютерной лексики

Заключение

В семантических полях социолектов городской и диалектной лексики преобладают действия, определяемые глаголами. Однако в данном случае на первом месте с большим преобладанием лексических единиц оказывается группа IV, подробно описывающая устройство компьютера, а действия (группа III), тоже важные компоненты для пользователя, занимают второе место. Группа 1 – 3 место – также оказалась представительной, поскольку описывает руководство к действию («Программы и функции»). На четвертом месте группа 2, составляющая $\approx 9\%$ в семантическом поле компьютерной лексики и, несомненно, важный элемент данной системы («Знаки, символы, системы»). На последнем месте оказалась группа «Человек», определяющая того, кто приводит в действие эту систему: пользователь системы, программист, любитель компьютерных игр и т.д. Так с помощью построения семантического поля, основанного на выделении тематических групп, определяются специфические особенности структурного представления лексики компьютерного сленга.

Литература

- Ахманова О.С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*. М., Сов. энциклопедия, 608 с.
- Большой энциклопедический словарь* (1997). Гл. ред. А.М. Прохоров. М., Большая Российская Энциклопедия; СПб., Норинт, 1456 с.
- Ерофеева Е.В. (2005). *Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект*. – Пермь, Изд-во "Перм. ун-та", 320 с.
- Ерофеева Т.И. (1991). *Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты)*. Свердловск. Изд-во "Урал. ун-та", 136 с.
- Кожина М.Н. (1966). *О стилистическом изучении речи в речевом функциональном стиле // Исследования по стилистике*. Учен. зап. Пермск. ун-та. – Пермь, № 160. С. 3-34.
- Крысин Л.П. (1998). *Толковый словарь иноязычных слов*. М., 847 с.

- Кюльмоя И.П. (2000). *Системность в сленге* // Бодуэн де Куртенэ: Ученый, Учитель, Личность: докл. науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия» / Красноярск. гос. ун-т; под ред. Т.М. Григорьевой. Красноярск, С. 120-126.
- Никитина Т.Г. (2009). *Молодежный сленг*. Толковый словарь. – 2-е издание, исправленное и дополненное. М, АСТ – Астрель, 1102 с.
- Русский язык: Энциклопедия* (1979). Гл. ред. Ф.П. Филин. М., Сов. энциклопедия, 432 с.
- Советский энциклопедический словарь* (1980). Под ред. А.М. Прохорова. М., Сов. энциклопедия, 1600 с.
- Хомяков В.А. (1971). *Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия*. Вологда, ВГПИ, 104 с.
- Хомяков В.А. (1980). *Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода*, автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 39 с.
- Чубарова А.В. (2003). *Иноязычное слово в компьютерном фольклоре* // Социальные варианты языка-II: материалы научной междунар. конференции 24-25 апреля 2003 г. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2003. – С. 177-180.

Bibliography

- Ahmanova O.S. (1966). *Slovar' lingvističeskikh terminov*. М., Sov. jenciklopedija, 608 s.
- Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar'* (1997). Gl. red. A.M. Prohorov. М., Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija; SPb., Norint, 1456 s.
- Erofeeva E.V. (2005). *Verojatnostnaja struktura idiomov: sociolingvističeskij aspekt*. Perm', Izd-vo "Perm. un-ta", 320 s.
- Erofeeva T.I. (1991). *Opyt issledovanija reči gorozhan (territorial'nyj, social'nyj i psihologičeskij aspekty)*. Sverdlovsk. Izd-vo "Ural. un-ta", 136 s.
- Kozhina M.N. (1966). *O stilističeskom izučenii reči v rečevom funkcional'nom stile* // Issledovanija po stilistike. Učen. zap. Permsk. un-ta. – Perm', № 160. S. 3-34.
- Krysin L.P. (1998). *Tolkovyj slovar' inoazyčnyh slov*. М., 847 s.
- Kjul'moja I.P. (2000). *Sistemnost' v slenge* // Bodujen de Kurtenje: Učenyj, Učitel', Lichnost': dokl. nauch.-prakt. konf. «Lingvističeskoe nasledie I.A. Bodujena de Kurtenje na ishode HH stoletija» / Krasnojarsk. gos. un-t; pod red. T.M. Grigor'evoj. Krasnojarsk, S. 120-126.
- Nikitina T.G. (2009). *Molodežnyj sleng*. Tolkovyj slovar'. – 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. М., AST – Astrel', 1102 s.
- Russkij jazyk: Jenciklopedija* (1979). Gl. red. F.P. Filin. М., Sov. jenciklopedija, 432 s.

- Sovetskij jenciklopedičeskij slovar'* (1980). Pod red. A.M. Prohorova. M., Sov. jenciklopedija, 1600 s.
- Homjakov V.A. (1971). *Vvedenie v izučenie slenga – osnovnogo komponenta anglijskogo prostorečija*. Vologda, VGPI, 104 s.
- Homjakov V.A. (1980). *Nestandartnaja leksika v strukture anglijskogo jazyka nacional'nogo perioda, avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. L.*, 39 s.
- Chubarova A.V. (2003). *Inojazychnoe slovo v komp'juternom fol'klore // Social'nye varianty jazyka-II: materialy nauchnoj mezhdunar. konferencii 24-25 aprelja 2003 g.* – Nizhnij Novgorod: Nizhegor. gos. lingv. un-t im. N.A. Dobroljubova, 2003 S. 177-180.

К вопросу о сопоставительном изучении темы жизни и смерти в «Маснави» Мевланы и «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстого¹

Мехрнуш Шаабани**

Магистр русской литературы Тегеранского университета,
Тегеран, Иран.

Джанолах Карими-Мотаххар*

Профессор русского языка и литературы Тегеранского университета
Тегеран, Иран.

(дата получения: май 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

В разные времена литераторы писали о вечных вопросах человечества, особенно о жизни и смерти. Среди них персидский суфийский поэт-мистик Мевлана Джалал ад-Дин Мухаммад Балхи и знаменитый русский писатель и мыслитель Лев Николаевич Толстой. Мевлана считал, что этот мир как путь, через который мы проходим, чтобы дойти до вечного мира. По его мнению, человек, творящий добро и живущий хорошо, не боится смерти. «Пока не умрёшь, не станешь свободным!» – это то, о чем он говорит в своём произведении. Л.Н. Толстой также считал смерть началом другой жизни и был убеждён в том, что надо жить просто и хорошо, любить других людей, тогда уменьшается страх смерти.

Ключевые слова: Сопоставительное изучение, жизнь, смерть, Мевлана, Л.Н. Толстой, «Маснави-йи ма'нави», «Смерть Ивана Ильича».

---

1. В статье изложены результаты исследований, которые проводились в Тегеранском университете (№ проекта 4605008/1/9).

** E-mail: mehrnooshshabani@yahoo.com

* E-mail: jkarimi@ut.ac.ir (Ответственный автор)

Введение

Уже несколько веков критики и ученые во всём мире исследуют творчество и учение знаменитого русского писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого и величайшего персидского суфийского поэта-мистика Мевланы Джалал ад-Дина Мухаммада Балхи. На самом деле невозможно считать их просто литераторами: вследствие внутреннего перелома их жизнь изменилась и благодаря философским и мистическим воззрениям и взглядам, отразившимся в их произведениях, многие люди в разные времена и в разных странах мира подражали им и стали их учениками. Л.Н. Толстой нашёл смысл жизни в религии и в общении с простыми людьми и спокойное течение жизни Мевланы изменило его знакомство с Шамсаудином из Тебриза. Шамсадин или Шамс Тебризи был знаменитым мусульманским дервишем. Его жизнь до встречи с Мевланой никому не была известна. Муриды собрали его речи в сборнике «Статьи Шамса Тебризи». Сказания, впечатления и описания людей, которые входили в этот сборник, немного знакомят нас с ним. Он много путешествовал; в 1244 г. в Конье он встретился с Мевланой и благодаря своему сильному характеру оказал огромное влияние на него.

Тема смерти в творчестве Мевланы и Л.Н. Толстого играет особую роль. «Идея смерти практически с самых первых художественных опытов привлекала внимание Льва Толстого. Интерес писателя в этой теме общеизвестен: он начинает проследиваться уже в ранних его произведениях «Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы». Здесь мысли героев о смерти, сцены, изображающие такие ситуации, всегда чрезвычайно ярки и в смысловом и в функциональном планах – их сюжетное значение исключительно. Можно сказать, что Толстой создает очень сложную систему значений, в которой переживание смерти (как идеи или как состояния умирания) рассматривается очень детально, так, что мельчайшие подробности оказываются нагруженными серьезнейшим семантическим багажом.

На страницах романа «Война и мир» эта тема также является одной из ключевых в передаче психологических переживаний героев, позже она

становится центральной в сюжете «Смерти Ивана Ильича»» (Яхьяпур 2007. 280)

В этой статье мы рассматриваем причины их перелома, сходства и отличия их мировоззрений о жизни и смерти, особенно в книге «Маснави» Мевланы и повести «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого.

Основная часть

Джалал ад-Дин Мухаммад Балхи, известен как Мавлави, Мевлана и Руми, родился в 1207 г. в семье выдающегося богослова в городе Балхе. Когда он был ещё ребёнком, семья покинула Балх и переехала в Конью. После смерти отца Руми занимает его место. Он стал одним из известных мистиков и учёных своего времени и у него было много учеников и муридов; но не был удовлетворён уровнем своих знаний и пониманий. Когда ему было 37 лет, он познакомился с Шамсаддином из Тебриза. Это знакомство оказало такое влияние на молодого мистика, что он оставил преподавание и проповеди и начал писать торжественные мистические стихотворения. Неизвестно, что сказал ему Шамсадин, но это изменило всю его жизнь. Знание в области литературы и комментариев к Корану служит доказательством того, что Шамсадин из Тебриза был мудрым и опытным человеком. Общение с ним наставило Руми на новый путь мистического познания, и поэтому назвали его Мевлана, то есть «наш учитель». (mevlana.lv).

Благодаря Шамсадину Мевлана создал один из шедевров персидской литературы и мистики «Маснави», который известен во всём мире.

Несмотря на то, что большинство его стихотворений написано на персидском языке, его творчество принадлежит всему миру. Кроме Ирана, они имеют большое значение и в других странах, например в Индии, в Пакистане и в средней Азии. Также его произведения оказали огромное влияние на турецкую литературу и культуру и многие его поклонники и последователи происходят из Коньи.

«Маснави» является результатом наиболее продуктивного периода жизни

поэта-мистика. Это произведение не только шедевр персидской литературы, но и подробная книга о теоретической и практической мистике и поэтому имеет значение для всего человечества.

Мевлана ушёл из жизни в 1273 г. и был похоронен рядом со своим отцом в городе Конье. Он принимал день смерти, как день возрождения, потому что он считал, что после смерти его ждёт встреча с Богом. Он не верил в смерть как в исчезновение, смерть была для него продолжением жизни в другом качестве. «Мевлана не принимал нынешнюю жизнь человечества и был убеждён в том, что человек должен отказаться от этой короткой жизни, чтобы достичь вечной жизни в другом мире. Мевлана, как религиозный человек, думает, что человеку нельзя ждать вознаграждения в другом мире за свои добрые дела. Это не может и не должна быть его цель: Сотворите добро и живите хорошо, тогда будете получать своё вознаграждение. Единственный способ, который приближает нас к цели – это любовь» (Эслами Нодушан 2002. 53, 54).

«Мевлана уподобляет этот мир бане; этот мир – путь к загробному миру, где человек должен очистить свою душу от греха и дойти до своей цели как чистый и невинный человек. Такое уподобление показывает, что мы не живём в этом мире вечно и только те, которые ищут чистоту, могут жить хорошо» (Зарринкуб 1989. 135).

«Мевлана также сравнивает душу и тело человека с одеждой и телом. То, что имеет значение – тело, а не одежда. При помощи такого уподобления, он показывает, что тело является одеждой души человека. Тело без души не имеет никакого значения и только душа человека всегда вечна, даже после смерти; подобно тому, как тело существует без одежды. Поэтому нельзя бояться смерти» (Там же. 137).

Одной из причин страха смерти он считает страх от неизвестного. Но

Мевлана думает, что переход человека от одного периода жизни к другому необходим для его духовного развития. Он объясняет этот перелом таким уподоблением: «эмбрион, кормящийся кровью матери, не знает, что помогает ему продолжать свою жизнь, исходит из внешнего мира. Поэтому он не верит, что вне этого тесного мира, его ожидает другой светлый, красивый и просторный мир. Видимо его зависимость от крови матери лишает его отрады и наслаждения внешним миром. Рождение и освобождение от этой тесной тюрьмы для него равносильно смерти» (Зарринкуб 1989. 555-556):

«Если бы плоду кто-нибудь сказал в утробе:

«Есть снаружи целый мир, столь упорядоченный,

Целая земля цветущая, обладающая длиной и шириной,

в ней – сотня милостей и столько разной пищи,

Горы, и моря, и степи,

цветники, сады и посевы,

Небо весьма высокое и полное сияния,

солнце, луна и сотня звезд;

С юга, севера и запада

сады обретают свадебные пиршества и пиры!

Невозможно описать её чудеса,

ты же в этой тьме почти подвергаешься испытаниям?

Ты питаешься кровью в пытке тесноты,

в заключении, посреди нечистот и страдания!» -

Он (человек) по велению своего состояния отрицал бы [это],

от этого [пророческого] послания отвернулся и не уверовал,

Мол: «Это невозможно, это обман и заблуждение», –

потому что нет никакого изображения в воображении слепца.

Раз какого-нибудь рода явлений не видела его способность к постижению,

*не станет и слушать она, отрицая.
Точно так же и простые люди – в этом мире
о том мире заменяющие (абдал) рассказывают им,
Мол: «Этот мир – колодец, очень тесный и тёмный,
есть снаружи целый мир без запаха и цвета», –
Но ничто [из этих слов] в уши ни одного из них не входит,
так как эта алчность стала завесой длинной и плотной.
Уши закрывает алчность от слышания,
глаза закрывает корысть от постижения,
Так же как и тот плод [в утробе] – алчность к крови,
служащая ему пищей и низком месте его обитания,
Скрывает [от него] рассказ об этом мире,
и он не умеет позавтракать ничем, кроме крови» (Руми 2010. 19).*

Такое уподобление показывает страх человека перед смертью и перед всем неизвестным. Но по мнению поэта-мистика, пока человек не откажется от худшей пищи, не будет получать лучшую пищу. «Это значит, что если человек ограничивает себя мирскими удовольствиями, то он не будет достигать высшего уровня человечества» (Зарринкуб 1989. 556).

Для того, чтобы объяснить значение смерти, Мевлана рассказывает историю попугая и купца:

«У одного добросердечного купца был попугай, которого он держал в клетке. Однажды этот купец решил собраться в Индию. Он спросил у своего попугая, чего он желает, чтобы он привёз ему из Индии. Попугай ответил так: «Найди там моих друзей, расскажи им о моей жизни и скажи им: он просил вас найти средство для освобождения его от неволи. Пусть мои свободные друзья не забывают своего брата.» Купец пообещал попугаю выполнить его пожелание и отправился в путь. Где-

то в Индии ему встретились попугаи. Купец рассказал им то, что его попугай просил. Послушав это, один из попугаев упал с ветки и умер. Купец очень сожалел об этом и говорил себе: «Горе мне! Из-за меня погиб попугай. Я совершил великий грех. Если бы я не рассказывал этого!» Когда он вернулся к себе домой, попугай спросил его: «Передал ли ты мою просьбу попугаям, живущим там?» Купец ответил: «Лучше бы я этого не делал. Когда я встретил там попугаев и рассказал им всё, что ты просил, один из них задрожал, упал с ветки и умер».

Когда попугай купца услышал о том, что случилось с тем попугаем из Индии, он тоже задрожал и упал. Затем застыл и стал твёрдым, как камень. Купец очень огорчился, что его любимый попугай умер и со слезами вынес безжизненное тело попугая из клетки. Вдруг попугай ожил и взлетел на высокое дерево и сказал купцу: «Тот попугай из Индии, своим действием словно сказал мне, пока я пою, никто не освободит меня из клетки. Брось петь, тогда ты освободишься от плена».

Это очень понравилось купцу и он сказал попугаю, что получил от него хороший урок» (Урманов 2010. 28-30).

История попугая и купца показывает, что смерть не означает конец жизни; а наоборот это начало другой жизни. Читая эту историю мы делаем вывод: Пока не умрёшь, не станешь свободным!

*«Испытал я: смерть моя – в жизни,
когда освобожусь я от этой жизни, [тогда] будет долговечность»
(Руми 2010. 237).*

Мевлана говорит о страхе смерти так: «Если хотите уменьшить свой страх смерти, то не привязывайтесь ни к чему в этой жизни». С точки зрения мистиков, в том числе Руми, этот мир очень приятный и по мере того, как мы

привязываемся к мирским наслаждениям, прощание с миром становится труднее и также наш страх смерти увеличивается.

Он также был убеждён в том, что тот, кто увеличивает в себе любовь к Богу, а не только вера в Него, страх смерти у него уменьшается» (cloob.com).

Тема жизни и смерти всегда была одной из основных тем не только в восточной, но и в мировой литературе. Лев Николаевич Толстой является одним из русских писателей, которого волновал смысл жизни и это отразилось во многих его произведениях. В жизни Толстого, как и Мевланы, произошли события, вследствие чего он совсем изменился.

Граф Толстой происходил из дворянского рода Толстых. Он родился в 1828 г. в наследственном имении матери – Ясной Поляне. Благодаря Толстому это село известно во всем мире. Он получил начальное образование дома; у него были французские и немецкие гувернеры. Осенью 1841 г. поступил на факультет восточных языков Казанского университета. Его не устраивало как в университете преподают языки. Позже он понял, что работа дипломата его больше не интересует, поэтому он перешёл на юридический факультет, где проучился менее двух лет. Вскоре он понял, что не хочет стать юристом. В 1847 г. 19 летний Толстой покинул Императорский Казанский университет без степени и вернулся в имение родителей. В 1851 г. поступил на военную службу, подробности чего с некоторыми изменениями он изображает в повести «Казачьи». Лев Николаевич оставался два года на Кавказе. С началом Крымской войны, с 1854 г. по 1855г., был в Севастополе. Он продолжал писать во время активных сражений. Его мнение о поразительных противоречиях войны и кавказские впечатления отразились в «Севастопольские рассказы». Благодаря этому сборнику он пользовался большой популярностью во всей России и на литературной арене Санкт-Петербурга. В 1856 г. он навсегда оставил военную службу.

После войны Толстой отправился в путешествие по Европе, которым в последствии был разочарован. Эти поездки произвели на него отрицательные впечатления. Затем он уехал в Ясную Поляну, открыл школу для крестьянских

детей и даже ещё раз отправился за границу, чтобы ознакомиться со школами Европы. Во всём мире Толстой известен своими романами «Война и мир» и «Анна Каренина», которые он написал между 1863-1877 гг. Но кроме литературы он занимался общественной деятельностью. Участие в войне, знакомство с востоком, городская жизнь в Москве, жизнь крепостных и помещиков в России изменили его мировоззрение. Толстой искал смысл жизни, но не нашёл ответа на свои вопросы в русской православной церкви. В конце 1884 г. появился «Посредник» по инициативе Толстого, целью которого были издание и распространение в народе картин и рассказов в духе учения Толстого. «Учение Толстого о «непротивлении злу насилием» породило последователей Толстого — «толстовцев». Власти обратили на Толстого особое внимание: в феврале 1901 г. Синод «отлучил» Толстого от церкви» (feb-web.ru).

В новом периоде своей жизни Толстой отрицает все установившиеся формы государственной, общественной и религиозной жизни, отказывается от удобств богатой жизни, много занимается физическим трудом, одевается в простейшую одежду, отдаёт семье всё своё крупное состояние, отказывается от прав на свои произведения. С этих пор съезжались в Ясную Поляну «ученики» Толстого со всех уголков мира. С 1886 г. и в последующие годы выходят в свет такие произведения как роман «Воскресение», рассказы «Отец Сергей», «После бала», драма «Живой труп» и, конечно же, одно из самых глубоких произведений «Смерть Ивана Ильича». Эта повесть – один из шедевров мировой литературы, написанная Толстым в годы после его духовного перелома. Известный русский литератор В.В. Набоков сказал: «Этот рассказ — самое яркое, самое совершенное и самое сложное произведение Толстого» (windowsphone.com).

По свидетельству как современников, так и самого Льва Николаевича, прототипом героя повести является Иван Ильич Мечников, прокурор Тульского окружного суда. Младший брат Ивана Ильича присутствовал при последних минутах жизни своего старшего брата. Он говорит, что мысль о

смерти долго страшила его брата. Как пишет Илья Ильич Мечников, он «примирился, говоря себе, что в сущности между смертью в 45 лет или позднее — лишь одна количественная разница». Илья Ильич Мечников к пятому изданию «Этюды» написал, что Л.Н. Толстой – «писатель, давший наилучшее описание страха смерти» (levenir.ru).

Главной темой этой повести является жизнь и смерть обыкновенного человека. С самого начала повести Толстой показывает такие общественные проблемы, как безразличие, лицемерие и эгоизм. Так называемые друзья Ивана Ильича узнают о смерти своего товарища из утренней газеты и каждый из них радуется, что умер другой человек, а он ещё жив и каждый думает, что с ним так не случится.

«Так что, услышав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых.<...> "Каково, умер; а я вот нет", – подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования» (Толстой 1964. 58-59).

Герой повести, Иван Ильич Головин, был средним между братьями и вообще человеком средним во всех отношениях: в характере, поведении, уме. Он сделал такую же карьеру, как и отец. В жизни он делал то, что было принято стоящими выше него людьми. Даже женился он не по любви, а только потому, что так было принято. «Сказать, что Иван Ильич женился потому, что он полюбил свою невесту и нашел в ней сочувствие своим взглядам на жизнь, было бы так же несправедливо, как и сказать то, что он женился потому, что люди его общества одобряли эту партию. Иван Ильич женился по обоим соображениям: он делал приятное для себя, приобретая такую жену, и вместе с

тем делал то, что наивысше поставленные люди считали правильным» (Толстой 1964. 70).

До заболевания его жизнь была простой и обыкновенной. Можно сказать, что трагедию эпохи Толстой видит не в смерти, а в жизни людей. Жизнь Ивана Ильича похожа на жизнь многих людей. Он жил как мертвец. Толстой выбрал для своего героя одно из самых популярных имён, чтобы обобщить его положение. Иван Ильич является символом большинства людей эпохи. Он сделал в жизни всё, что было принято обществом, но нельзя утверждать, что он был счастливым человеком. Несмотря на это, когда он понимает, что смерть близка, ему не хочется умирать и он хочет продолжать свою жизнь.

«Толстой изображает настроение больного в пяти этапах: 1) отрицание, 2) раздражение, 3) условия, 4) печаль, 5) согласие; сначала Иван Ильич не может принимать, что смерть близка и, таким образом, успокаивает себя. Потом он, считая других виноватыми, сердится на них. Затем он ставит условия для Бога, чтобы жить дольше. После этого он тоскует о прошлом. Наконец он молчит и думает о своей прошлой жизни» (Шаабани 2012. 5)

«Иван Ильич в своей жизни не делал то, что ему нравилось или удовлетворяло его. Только перед кончиной Иван Ильич осознает бессмысленность своей жизни. Он приходит к выводу, что его жизнь была напрасна; осознает свои ошибки и в работе и в личной жизни. Перед смертью он понимает, что ничто в жизни не удовлетворяет его. Он даже не знает свою семью и не находит общий язык с женой и дочерью, потому что полностью погружался в работу. Всё то, что раньше казалось ему целью и смыслом жизни, на самом деле было материально. Он не умел любить и быть любимым. Его мораль и чувства были ложными. В одиночестве он думает о своей жизни. Думая

о смерти, с одной стороны, он познаёт смысл и недолговечность жизни, с другой стороны, – её ценность. На самом деле он был мёртвым и после смерти начал жить» (Там же. 6, 7). И, наконец, перед смертью он говорит себе: "Кончена смерть, ... Её нет больше" (Толстой 1964. 115).

Л.Н. Толстой в этой повести показывает, что люди светского общества, являются эгоистичными и человеческие отношения для них не имеют никакого значения. Среди окружающих Ивана Ильича, только его слуга, Герасим, отличается от других. Он не боится смерти, ухаживает за ним, самоотверженно любит его и ничего не ждет от него. Его сочувствие утешает Ивана Ильича и меняет его взгляд на мир. «С тех пор Иван Ильич стал иногда звать Герасима и заставлял его держать себе на плечах ноги и любил говорить с ним. Герасим делал это легко, охотно, просто и с добротой, которая умиляла Ивана Ильича. Здоровье, сила, бодрость жизни во всех других людях оскорбляла Ивана Ильича; только сила и бодрость жизни Герасима не огорчала, а успокаивала Ивана Ильича.<...> Один только Герасим понимал это положение и жалел его. И потому Ивану Ильичу хорошо было только с Герасимом. Ему хорошо было, когда Герасим, иногда целые ночи напролет, держал его ноги и не хотел уходить спать» (Толстой 1964. 97-98).

Толстой был убеждён в том, что простая жизнь, без всякой роскоши приближает человека к Богу и человек должен перестать делать зло, не отвечать злом на зло, чтобы спасти себя, свою душу, чтобы придать жизни смысл.

«Вторая половина сознательной жизни Л.Н. Толстого явилась отрицанием первой. Толстой пробудился к новой жизни. Сердцем, умом и волей он принял программу Христа и посвятил свои силы целиком тому, чтобы следовать ей, обосновывать и проповедовать её. Толстой решительно отвергал церковные суждения о триединстве Бога. Как

считает Л.Н. Толстой, суть нравственного идеала наиболее полно выражена в учении Иисуса Христа. Для Толстого Иисус Христос не является Богом или сыном Бога, он считает его реформатором, разрушающим старые и дающим новые основы жизни» (works.tarefer.ru).

Рассказывая историю Ивана Ильича, Толстой показывает читателям, что этот мир непрочный и человек должен жить так, чтобы его физическая жизнь менялась к духовной. Это произведение показывает нам, что надежда на загробный мир оказывает влияние на образ нашей жизни.

Заключение

Сравнивая мировоззрения Мевланы и Л.Н. Толстого, мы можем найти много общего. Мевлана после знакомства с Шамсадином из Тебриза начал серьезнее задумываться о смысле жизни и смерти. Он думал, что любовь к человечеству помогает человеку жить лучше и достичь вечной жизни в другом мире. Он уподобляет этот мир бане, где человек должен очистить свою душу от грехов; тогда его ожидает красивая, вечная жизнь. На самом деле Руми думал, что смерть – начало более красивой, лучшей жизни и смерть каждого человека похожа на его жизнь. Он был убеждён в том, что если мы будем больше любить Бога, то наш страх смерти уменьшится.

Л.Н. Толстой нашёл свои ответы в учении Христа. Хотя он был графом, жил как простые люди; потому что считал, что такой образ жизни больше приближает человека к Богу. В своей глубокой и известной повести «Смерть Ивана Ильича», Толстой, как и Мевлана, говорит о том, что наша жизнь не вечна. Каждый должен делать то, что удовлетворяет его, а не то, что принято обществом. Надо жить просто и любить человечество. По его мнению, вера и религия могут спасти душу человека и уменьшать его страх смерти. В учении Мевланы и Толстого, смерть – не конец жизни, а её начало.

Библиография

- Зарринкуб А.Х. (1989). *Тайна камыша*, Тегеран, т.1, Изд-во «Элми». (перевод мой).
- Руми Д.М. (2010). *Маснави-йи ма'нави*. Санкт-Петербург. Третий дафтар. Изд-во «Петербургское востоковедение».
- Урманов А. (2010). *Избранные рассказы из маснави*, М., Изд-во «Издательская группа САД».
- Толстой Л.Н. (1964). *Собрание сочинений в двадцати томах*. М., Т. 12, Изд-во «Художественная литература».
- Шаабани Л. (2012). *Анализ повести «Смерть Ивана Ильича»*, Книга месяца о литературе, № 69, С.31-39. (перевод наш).
- Эслами Нодушан М.А. (2002). *Четыре поэта совести Ирана*, Тегеран, Изд-во «Катре». (перевод наш).
- Яхьяпур М. (2007). *Тема смерти в творчестве Л.Н. Толстого*. «Слово, грамматика, речь». М., Вып. IX. С. 280-283.
- http://www.cloob.com/u/siamak_mehr51/109964976 (24.3.2015)
- <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/encyclp/bs1-448-.htm> (28.5.2015)
- http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TOLSTOY_Lev_Nikolaevich/_Tolstoy_L.N._PSS90_.html#012 (13.5.2015)
- http://levenir.ru/2013/05/12/moe_tvorchestvo/referats/smert-ivana-ilicha-nalizbiografiya-iva-nikolaevicha-tolstogo-referat-esse (11.4.2015)
- <http://mevlana.lv/ru/rumi/1> (1.5.2015)
- <http://www.windowsphone.com/enus/store/app> (14.5.2015)
- <http://works.tarefer.ru/91/100689/index.html> (9.5.2015)

Bibliography

- Zarrinkub A.H. (1989). *Tajna kamysha*, Tegeran, t.1, Izd-vo «Jelmi». (perevod moj).
- Rumi D.M. (2010). *Masnavi-ji ma'navi*. Sankt-Peterburg. Tretij daftar. Izd-vo «Peterburgskoe vostokovedenie».
- Urmanov A. (2010). *Izbrannye rasskazy iz masnavi*, M, Izd-vo «Izdatel'skaja grupa SAD».
- Tolstoj L.N. (1964). *Sobranie sochinenij v dvadcati tomah*. M., T. 12, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- Shaabani L. (2012). *Analiz povesti «Smert' Ivana Il'icha»*, Kniga mesjaca o literature, № 69, S.31-39(perevod nash).

Jeslami Nodushan M.A. (2002). *Chetyre pojeta sovesti Irana*, Teheran, Izd-vo «Katre». (perevod nash).

Jah'japur M. (2007). *Tema smerti v tvorchestve L.N. Tolstogo*. «Slovo, grammatika, rech'». M., Vyp. IX. S. 280-283.

http://www.cloob.com/u/siamak_mehr51/109964976 (24.3.2015)

<http://feb-web.ru/feb/tolstoy/encyclp/bs1-448-.htm> (28.5.2015)

http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TOLSTOY_Lev_Nikolaevich/_Tolstoy_L.N._PSS90_.html#012 (13.5.2015)

http://levenir.ru/2013/05/12/moe_tvorchestvo/referats/smert-ivana-ilicha-nalizbiografiya-iva-nikolaevicha-tolstogo-referat-esse (11.4.2015)

<http://mevlana.lv/ru/rumi/1> (1.5.2015)

<http://www.windowsphone.com/enus/store/app> (14.5.2015)

<http://works.tarefer.ru/91/100689/index.html> (9.5.2015)

Мотив богообщения в русской поэзии первой трети XIX века

Татьяна Нестерова*

Профессор, Мичуринский государственный аграрный университет.
Мичуринск, Россия.

(дата получения: июнь 2015 г.; дата принятия: июль 2015 г.)

Краткое содержание

В статье анализируется русская поэзия первой трети XIX в., которая, как и вся отечественная литература, не была никогда лишь сферой художественной, получив своё предназначение в качестве фактора национального самосознания эпохи. Решение творческих проблем, стоящих перед поэзией, побуждало авторов обращаться к историческим темам, религиозно-православным традициям русской культуры – факторам, определяющим концептуальные основы национальной самобытности. Поэты разных дарований, идейных позиций, литературных направлений сходились в одном – истоки национального самосознания базируются на двух исходных положениях: духовных убеждениях, связанных с православием, и исторических принципах, опирающихся на государственные идеи. Оба свойства, находясь в непосредственной сопричастности, раскрывают главенствующее качество русского взгляда на мир, ориентированного на пасхальный архетип, то есть на приоритет духовных начал в жизни. Обращаясь к жанру молитвы, поэты большое значение уделяют Слову через мотив богообщения.

Ключевые слова: Бог, православие, молитва, богообщение, духовные убеждения.

---

* E-mail: tnester60@yandex.ru

Введение

Для русских поэтов первой трети XIX в., как их современников, ощущающих своё бытие в «генетическом» родстве со Священным Писанием, метаязык Библии давал неоценимую возможность адекватно осмыслить корневые черты национального характера. Диалог с культурным библейским наследием в поэзии первой трети XIX в. осмысливался ведущим принципом, позволяющим постичь основы самосознания русского православного человека. Значение имел тот факт, что «особенностью русского мышления является <...> интуиция» (Франк 1996. 151). «Неприятие всякого рода туманного иррационализма и восторженности является даже особенностью русского духа. Но, с другой стороны, ему совсем не свойственно постижение истины в логических связях и благообразной систематичности. Хотя систематическое и понятийное познание ему не кажется чем-то второстепенным, но всё же является чем-то схематичным, совсем не способным дать полную и живую истину» (Франк 1996. 151). Таким образом, русский человек мыслит историческими категориями не рационально, а образно, что созвучно библейскому повествованию, особенно прослеживаясь в Новом Завете.

Вторая причина может быть объяснена своеобразием русского суждения об истине. Как справедливо отмечал С.Л. Франк, «кроме слова «истина», которому точно соответствует немецкое «Wahrheit», имеется ещё другое понятие <...> Это понятие выражается непереводаемым словом «правда». <...> русский мыслитель <...> всегда ищет «правду»; он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись» (Франк 1996. 152).

Третья причина, имеющая наиболее принципиальное значение для национального мировоззрения, связана с эсхатологическим восприятием мира русским человеком. Согласно Н.А. Бердяеву, «самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена

апокалиптически. В этом — отличие её от мысли Запада» (Бердяев 1990. 3). Само это свойство, принципиальное для христианской догматики, пришло на Русь из Византийской Церкви, но наполнилось особым национальным идеалом. Если византийским христианством главный акцент ставился на неизбежность страданий для человечества, погрязшего в грехах, то для русского православного сознания Апокалипсис прежде всего ознаменован преображением человека и его воссоединением с Господом, хотя для этого нужно будет претерпеть страдания и не сломиться перед антихристом. Вот этой последней битве с противником Бога придавалось особое значение. Русскому сознанию и в восприятии эсхатологических идей в высшей степени было присуще свойство, определяемое как государственное мировоззрение. Оно стало ориентиром, показывающим русский народ богоносцем, а Россию движущей силой мировой истории. Такая концепция порождала особые отношения личности и государства в решении сверхзадачи — возвращение человечества к Богу. Самобытная историософская мысль, зародившаяся в недрах национального самосознания, даёт ключ к пониманию таких черт русского характера, как максимализм, оптимизм, почитание честию «умереть за други своя», всемирная отзывчивость, бесстрашие, умение во всех жизненных испытаниях видеть Божий Промысел, духовные ценности ставить выше материальных. Государственное мировоззрение, выросшее из православия, предопределило и судьбу самого Отечества, столь боготворимого русским народом. Решение задач, имеющих судьбоносное для страны значение, воспринималось священным историческим предначертанием, суть которого выходила за рамки национального масштаба. Примером может служить Отечественная война 1812 г. Русскому народу оказалось недостаточным выдворить с позором французскую армию из России, он был должен вырвать с корнем зло, исходившее от Наполеона, и освободить европейские народы, склонившие свои головы перед ним и не помышлявшие о сопротивлении.

Основная часть

Православное мировоззрение, направлявшее национальную мысль к Богу, создавало метафизическое отношение русского человека к Слову (греч. логос), воспринимавшемуся в соответствии с евангельским изречением: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё чрез Него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть» /Ин. 1:1–18/. Эсхатологическая вера в то, что последнее слово в человеческой истории будет за русским народом, возбудила трепетное отношение к молитве, способной активно воздействовать на духовную сферу человека и наделять его провиденциальным мышлением. К молитве обращались многие поэты, и всегда этот художественный опыт был ознаменован личным духовным преображением, к которому надо было подготовиться не только творчески, но и нравственно. Красноречивым подтверждением тому является поэзия П.А. Вяземского, написавшего в 1821 г. «Молитвенные думы»; и только спустя два десятилетия, будучи зрелым человеком, много пережившим и испытавшим на своём веку, поэт начинает создавать непосредственно молитвенную лирику. К питательной почве молитвы А.С. Пушкин обращается, отрекаясь от индивидуалистической гордыни, К.Ф. Рылеев — от идеологических амбиций, Е.М. Языков, прочувствовав глубину православной веры.

Голос молитвы имеет силу и крепость уже в поэзии первого десятилетия XIX в., что особенно характерно для эпических поэм, решающих проблемы национально-государственного значения. Молитвенный эпизод непременно присутствует в «Петриадах» — поэмах о царе Петре I, в которых самодержец приносит «Вышнему мольбу усердну» после победы над стрельцами, просит Творца быть помощником «России ополченной» перед Полтавской битвой (Р. Сладковский «Пётр Великий» /1803/), поэмах о Смутном времени; например, в поэме С.А. Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасённая Россия» /1807/ молитва умирающего от голода в польском плену патриарха Московского и всея Руси Гермогена Господу о спасении Отечества занимает всю первую песнь, имеющую особое смысловое значение для всего произведения.

Отечественная война 1812 г., во время которой Россия вела борьбу против вторгнувшейся в её пределы французской армии во главе с Наполеоном, «возбудила и в царе, и в народе благоговение пред Вседержителем» (Макарий (Глухарёв) 1905. 205). Это усилило тему богообщения в поэзии через творческое осмысление молитвы в контексте пасхального архетипа русского сознания с присущими ему мотивами спасения и преображения. Следовательно, достижение Наполеоном императорской власти, покорение им Европы, честолюбивые планы в отношении России есть всего лишь соблазн самоутверждения, а не реализация Божьего замысла — факт очень важный для русского мироощущения в его видении Отечества через идеи мессианства.

Такого рода аргументация присутствует в «Молитве русского народа при воспоминании Полтавской победы» /1812/ С.Н. Глинки, созданной в начальный, самый тяжёлый, период войны с Наполеоном. Постигая злободневные обстоятельства через осмысление Полтавского сражения, в котором русская армия под предводительством царя Петра I разбила шведов во главе с королём Карлом XII, поэт во главу угла ставит не физическую мощь державы, а внутреннюю крепость нации, что было важно в обстановке внезапно ворвавшегося военного быта, ограниченных, к тому же противоречивых, сведений из театра военных действий. Понимая, что соотечественникам нужна нравственная поддержка, поэт её находит в Священном Писании. Хотя в «Молитве русского народа при воспоминании Полтавской победы» нет воспроизведения библейских событий как источника прямой реминисценции, чувствуется чёткая ориентация на начало Священной истории — время сотворения мира. Концептуальными для осмысления идеи произведения служат последние строки:

Людьми Твоими век мы будем,

А Ты век будешь нам отцом!

(Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году.

Ч. II. 1814. 106) .

Именно тогда произошло разделение на тех, кто остался верен Богу, и возгордившегося падшего ангела, предавшего Творца. Поэтому среди добродетельных черт, характеризующих русских людей, выделяется смирение: «Пётр «смирения не забывал», «спаси, Господь! Царя смиренна», «мы <...> смиренъем хвалимся сердец». Их «строптивый» недруг, напротив, его лишён: он «злостью хвалится», в нём «алчет злоба исступленна». Только в контексте библейской истории о сотворении мира можно постигнуть полную семантику определения «изменник» по отношению к противнику россиян – Наполеону. Император французов, как когда-то падший ангел, изменивший Божьим заповедям, из союзника по Тильзитскому миру превратился в главного врага России, что архетипически связывает Наполеона с героем из Ветхого Завета. Священная история является тем контекстом, входя в который, события национальной жизни наполняются более широким смыслом, не теряя при этом конкретики. Ассоциативно-символический ряд, складывающийся из дистанцированных эпизодов русской истории, отражённых один в другом, усиливает свой смысловой потенциал через комплекс молитвенного богообщения, придавая метафизическую сущность национально-государственному организму.

Как правило, констатируя в названии отсылку к жанру молитвы, поэты лишь отдельными структурообразующими элементами и лексическими средствами на уровне «общих мест» отражали черты, свойственные христианскому первоисточнику. Нередко в названиях может отсутствовать само слово «молитва», заменяясь номинативами: «глас», «песнь». Главным для стихотворений подобного рода является не стилизация молитвословия, а передача заложенного в молитвах христианского понимания служения земному Отечеству. Тематически их можно разделить на две группы: первая — прошение к Богу о ниспослании желаемого, вторая – благодарение за помощь. Первая группа стихотворений, как правило, включает два семантических центра: мольба к Творцу о помощи и выражение чувствоизъявлений уверенности в получении просимого в скором будущем или описание

результатов обращения как состоявшийся факт. Замещение «я» на «мы» даёт не индивидуальную, а общую значимость желаемого, отражая соборное сознание нации, являющееся характерной особенностью чисто русского духа, не имеющей ничего равноценного в западной культуре. При этом «мы» (русская нация) и «Ты» (Господь) находятся в одной плоскости отношений:

Живём Твоим мы охраньем,

Любовью хвалимся Твоей.

/С.Н. Глинка «Молитва Богу при воспоминании Полтавской победы»/

(Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. II. 1814. 195);

Повсюду будь нам предводитель...

/С.Н. Глинка «Молитва русских при опоясании на брань»/

(Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году.

Ч. II. 1814. 32).

Враг же, отвергающий христианские добродетели, не вписывается в эту систему нравственных ценностей:

Велит кумиры обожать,

Священны храмы оскверняет,

Намерен Веру он попрать.

*/«Глас к Богу московских жителей во время нашествия французов»
(без подписи автора)/ (Собрание стихотворений, относящихся к
незабвенному 1812 году. Ч. II. 1814. 32)*

Скудость исторической конкретики в этих произведениях восполняется ярким пафосным звучанием, помогающим постичь духовные переживания

соотечественников. Выбор просимого даёт существенный материал для историко-культурных выводов о состоянии русского мировоззрения в период войны с Наполеоном. Традиционно стандартный набор определяется общенациональными задачами, а индивидуальные желания становятся частью общих. Враг же связан с материально-предметным миром, который он разрушает, но при этом отойти от него, чтобы соединиться с высшими силами, не может.

Для понятия исторического смысла, заложенного в художественное пространство стихотворений, необходимо обратиться к Библии, характеризующей всемирный процесс как реализацию Божьего Промысла в спасении человечества от дьявольского порабощения. Таким образом, национальные происшествия являются своеобразной калькой всемирных событий, где России предназначена мессианская роль, а Наполеон, напротив, ассоциируется с антибожественными силами.

Восприятию событий в русле пасхального архетипа помогает часто используемый в произведениях приём контраста между нравственными и физическими страданиями русских людей в период наполеоновского нашествия, на уровне аллюзий связанными со страстными муками Сына Божьего, и победой, знаменующей воскресение России для новой мирной жизни. Сам факт мученичества Христа переносится в современную для авторов действительность, поскольку не только русские люди пострадали от французов, но и сам Спаситель претерпел от них новые муки:

Он был жертвой галлов лютых!

О, ужасныя минуты!

Лик Христов попан!

/«Стихи в день Светлого Христова Воскресения матери от детей»

*(без подписи автора) / (Собрание стихотворений, относящихся к
незабвенному 1812 году. Ч. I. 1814. 241)*

Логика подсказывает, что если Христос мучается вместе с русским народом, то он на его стороне. Поэтому естественно в художественный текст входит мотив противопоставления Запада (Франция) и Востока (Россия). Отталкиваясь от реальных фактов глумления французов над православными святынями в Москве и других частях России, автор передаёт масштабность национальной трагедии за счёт её соединения с евангельской ситуацией.

Пасхальные традиции позволяют актуализировать в одном произведении национально-патриотический аспект в двух временных формах – прошедшее время как период испытаний на прочность российской государственности и настоящее, выраженное через мотив ликования:

Ликуй торжественно, Россия...

/А. Кулаков «Стихи в день Богоявления Господня»/ (Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. I. 1814. 110).

Ликуй и радуйся, Россия!

/А. Урываев «Песнь на поражение галльского фараона, посвящённая знаменитому покровителю сочинителя, его превосходительству Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову»/ (Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. I. 1814. 101).

Художественный опыт произведений духовного содержания периода войны с Наполеоном не прошёл бесследно для поэзии, продолжая оказывать влияние на творчество поэтов в последующие десятилетия. Молитва, определяя цельность и универсальность христианского мировоззрения, помогала увидеть родовую общность русских людей разных веков, оценить героев в русле непреходящих для национальной жизни ценностей. Если в первой половине 1810-х годов молитвенная форма перерабатывалась поэтами для стихотворений, несших функцию хроники дня и одновременно резонатора духовной жизни, то теперь она становится интересна авторам, обратившимся к

прошлому России, что даёт более углубленное представление о русском православном мировоззрении в историческом разрезе.

В поэме А.П. Степанова «Суворов» /1821/ перед каждым сражением русский генералиссимус, не проигравший ни одного сражения, «к Предвечному взывает»:

Спаситель! Будь защитой!

Единая надежда Ты

(Степанов 1821. 226).

Сила православной молитвы подчёркивается образами врагов, являвшихся представителями «всех адских сил». Однако Суворову, защищённому «крепостью» «небес», подкреплённому «силой веры», ад, который он «зрит», не страшен. Его мощь гиперболизируется, наполняя конкретный бой, происходящий в Италии, апокалипсическим мироощущением: полководец «драконов рубит пополам», «с колесницы их срывает», «сосну преломив, вторгает чудовищам в отверстый зев», «их с вершины чрез скалы мечет на долины». Однако высшая миссия Суворова в Европе, которому император Павел «вручает <...> громы», заключается не в том, чтобы «державы покорять», а в том, чтобы «царства, к бедствиям влекомы, во имя Вышнего спасать», о чём в предуведомлении к поэме сообщает автор, заявляя читателям цель «своего сочинения». «Герой, мудрец и благодетель» показан как «отец народов», который «пол-Италии прикрыл своим щитом несокрушимым», «отраду подавал гонимым». Именно Суворов, подкреплённый «силой веры», является избранником Божьим, способным победить общее для всех европейских народов зло. Не случайно мощь врагов превышает силу смертного человека. Порой они теряют человеческий облик, превращаясь в драконов, чудовищ — представителей «всех адских сил». Тем острее чувствуется победа над ними Суворова — сына и патриота России.

В саге В.К. Кюхельбекера «Святополк» /1823/ перед решающим

сражением с убийцей братьев князь Ярослав обращается с мольбой к Богу, в которой воедино соединяются библейская и современная для героя отечественная история, о чём свидетельствует введение в монолог-молитву Ярослава ветхозаветного героя Каина и православного страстотерпца – юного князя Бориса. Молитва в произведении рождает целую цепь зависимостей, главная из которых — включение горнего мира в ткань исторического повествования, что делает малосущественным значение военной силы противников. Не в этом суть победы Ярослава. По молитве князя к Богу и Борису «открылся среди облак сонм блестящий»: небесное воинство спешит на помощь русской рати, защищающей государственную целостность Древней Руси от Святополка и ему подобных разрушителей национальных устоев.

В думе П. Шкляревского «Святополк» /1823/ задумавший убийство злодей, видя молящегося перед смертью брата Бориса, начинает испытывать угрызения совести. Но это состояние без христианского очищения, не приводящее к молитвенному вдохновению и последующему духовному возрождению. Если образ юного князя Бориса входит в православное миропонимание, то образ Святополка соединён с мифологической системой бытия, о чём свидетельствует монолог братоубийцы: обращение к солнцу, земле, сравнение себя со змеем. Святополк находится вне христианских устоев, которыми начала жить Древняя Русь, то есть отсоединён и от исторического процесса, более того, повинен в том, что первое столетие существования русского мира как мира православного было омрачено мученической кровью князей.

Молитвословие, открывая глубинные стороны характера русского человека, связывает его с внешним миром. Когда молится тверской князь Михаил, вскоре принявший мученическую смерть в Золотой Орде из стихотворения А.А. Бестужева «Михаил Тверской» /1824/, в его «пламенных» «очах» «божественный покой сияет». В молитве он ближе к Богу и Родине. Пульсация идейного содержания баллады А. Шидловского «Князь Вячко» /1826/ проходит через молитву и её реализацию, раскрывая православное

мировоззрение русского человека во взаимосвязи с его национально-государственными идеалами. Защитники Юрьева от ливонских рыцарей «перед иконой Вечного пали»:

*Не о пощаде россы молились:
Россам могучим смерть не страшна,
Россы бесславья, плена страшились,
Россов смущала дума одна:
Как бы спасти им знамя отчизны,
Как бы со славою им умереть...
(Благонамеренный. 1826. 363)*

Автор, противопоставляя русское сознание западному, показывает два отношения к спасению: русское — духовное, раскрывающееся в молитве, и западное — телесное, через разум, как прагматичное мировосприятие и оценка действительности. С точки зрения ливонского рыцаря, трижды предлагающего русским воинам сдаться «на милость» победителей, чтобы сохранить, пусть бесславную, жизнь, их мольба к Богу о спасении знамени «отчизны», о желании «со славою умереть» и предпочтении смерти позорному плену не разумны, поскольку лишены рационального подхода. Однако происходящие вслед за молитвой события свидетельствуют о том, что чаянья русских отражают Промысел Бога, который удостоит тех, «кто за Отчизну пасть не страшился», «храмов» и «алтарей».

Молитва создаёт ореол благочестия в глазах русского человека. По православной традиции переступивший порог дома гость сначала молится перед иконами, а затем уже приветствует хозяев, что показывает его добрые намерения. В поэме Е.Ф. Розена «Рождение Иоанна Грозного» /1830/ боярин Шигоня в знак того, что царь простил его, «бывшего раба», приглашает государя Ивана Васильевича к себе домой почтить «молитвой царскою» «смирненные иконы».

Искренняя молитва всегда находит отклик у Бога. В поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» /1820/ в русском стане, защищавшем Киев от печенегов, богатырь Руслан появляется на поле битвы, когда силы защитников были на исходе. Но Богом были услышаны «падших скорбный стон и русских витязей молитвы». Путь Руслана определён Творцом, о чём свидетельствуют слова другого героя поэма Финна, предсказывающего ему великое будущее. «Грозный меч» богатыря «бедою грянет» на врагов Киева, и на город «снимет кроткий мир». В поэме князь «один, близ дочери своей» пребывает «Владимир в горестной молитве», мечтая о том, чтобы Людмила проснулась. И вскоре это происходит. Чародейские козни посрамлены, добро восторжествовало.

В поэме Р. Сладковского «Пётр Великий» /1803/ перед Полтавской битвой Господь в ответ на молитву к нему царя, просящего быть помощником «России ополченной» объявляет свою волю:

*Сражения сего Петру я верх вручаю,
Гордыня примет казнь, вандалов унижаю,
Надменный в мыслях Карл от правды отступил,
Лишился чрез сие всемогущих, горних, сил.
(Сладковский 1803. 47)*

Симптоматично, что противник царя Петра I шведский король Карл XII не удостоивается общения с Творцом. О том, что Бог на стороне русского самодержца, в поэме А.Н. Грузинцова «Петриада» /1812/ врагу России сообщает некий пустынный.

Молитва не может соединяться с языческими действиями; если же такое происходит, то данное сочетание является знаком общего неблагополучия, предвещавшим трагические перемены в жизни героев. В поэме А.И. Одоевского «Василько» /1827–1830/ прощание князя Тербовольского с супругой Мстиславной происходит перед иконами. Однако мироощущение героев не проникнуто христианским вдохновением. Если князь еще

произносит слова о необходимости отслужить молебен «в обители святого Михаила», то Мстиславна полностью соединяется с языческими силами. Даже её молитва после прощания с мужем не может отторгнуть от них княгиню, находящуюся то в мистических переживаниях, то в гадательно-ворожейных действиях, что уже предопределяет неотвратимость будущих жестоких страданий князя Тербовльского.

Через молитву оцениваются герои. Ф.Н. Соловьёв в «Отрывке из недоконченной поэмы» /1831/ избегает ситуаций, хотя бы в какой-то мере связывающих царя-самозванца Бориса Годунова с Творцом. Например, он пропускает важное событие в биографии Бориса и всего государства — венчание Годунова на царствование, во время которого молился «патриарх Иов, перед иконами Владимирской и Донской, благословил его на Государство Московское и всея России; нарёк царём, и провозгласил ему первое многолетие» Будущий правитель Борис Годунов от «Лика Божьего бежит», чувствуя «гнев в очах» «Девы Пресвятой», «Спасителя», «Лика чудотворца Николая», «Собора Бесплотных» (Метеор 1831. 53) Борис не может не только молиться, но даже видеть иконы, лишь робко «подходит к ним». Единения не происходит, о чём свидетельствует символический жест — погашение лампы.

Молитва всегда обращена к Богу, Божьей Матери и другим небесным силам. В противоположном случае она превращается в лже-молитву, несущую в себе не христианское, а бесовское начало. Об этом прямо говорит в поэме «Руслан и Людмила А.С. Пушкин, изображающий пленённого Русланом чародея Черномора, который, страшась возмездия русского богатыря, «чернокнижным языком усердно демонам молился».

Заключение

Ценностные ориентиры поэзии первой трети XX в. не только помогают авторам реализовать индивидуальные творческие интересы в рамках литературной системы, но и открывают её возможности в выявлении

онтологических свойств национального характера. Эсхатологическое мировосприятие русского человека, выдвинув приоритет духовного над телесным, наделило сакральностью Слово, что сделало его в русской поэзии ключевым фактором в раскрытии национального самосознания.

Литература

- Бердяев Н.А. (1990). *Смысл истории*. М., Изд-во «Мысль», 173 с.
- Благонамеренный*. (1826). № 6, СПб., с. 361-367.
- Карамзин Н.М. (1988). *История государства Российского: в 12 т.*, Т. 10. М., Изд-во «Книга», 166 с.
- Метеор*. (1831). М., с. 50-69.
- Макарий (Глухарёв), архимандрит. (1905). *Письма*. Казань, Изд-во «Центральная типография», 558 с.
- Сладковский Р. (1803). *Пётр Великий*. СПб., Изд-во «Императорская типография», 145 с.
- Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч.* (1814). М., Изд-во «Университетская типография», Т. I. – 247 с; Т. II. – 250 с.
- Степанов А.П. (1821). *Суворов*. М., Изд-во «Университетская типография», 230 с.
- Франк С.Л. (1996). *Русское мировоззрение*. СПб., Русское мировоззрение, Изд-во «Наука», 786 с.

Bibliography

- Berdyayev N.A. (1990). *Smisl istorii*. M., Izd-vo «Misl», 173 s.
- Blagonamtrenniy*. (1826). № 6, SPb., s. 361-367.
- Karamzin N.M. (1988). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.*, T. 10 M., Izd-vo «Kniga», 166 s.
- Makariy (Gluharjov), arhimandrit. (1905). *Pisma*. Kazan, Izd-vo «Zentralnaya tipografija», 558 s.
- Meteor*. (1831). M. S. 50-69
- Sladkovskiy R. (1803) *Pyetr Velikiy*. SPb., Izd-vo «Imperatorskaya tipografija», 145 s.
- Sobranie stihotvoreniy, odnosyachihsyc k nezabvennomu 1812 godu: v 2 ch.* (1814). M., Izd-vo «Universitetskaya tipografija», Ch. I – 247 c.; Ch.2.– 250 c.
- Stepanov A.P. (1821). *Suvorov*. M.,Izd -vo «Universitetckaya tipografija», 230 s.
- Frank S.L. (1996). *Russkoye mirovozzreniye*. SPb., Izd-vo «Nauka», 786 s.

Формирование литературной репутации А.П. Чехова в России рубежа XIX – XX веков

Лия Бушканец*

Доцент, Казанский Федеральный университет.

Казань, Россия.

(дата получения: май 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

Статья посвящена одному из аспектов формирования прижизненной литературной репутации А.П. Чехова. Несмотря на то, что его литературная судьба кажется легкой и простой «историей успеха», на самом деле обретение славы Чеховым – история сложная, в которой сыграли свою роль многочисленные факторы: литературный, внелитературные, исторические, особенности социальной психологии интеллигентного читателя и пр. Некоторые из этих факторов отразили закономерности литературного процесса, в некоторых проявилась роль случая. Центральным в формировании литературной репутации этого писателя был конфликт между профессиональной критикой и интеллигентным демократическим читателем – именно последний определили вопреки мнению критики славу Чехова. Для того чтобы понять этот процесс необходимо обратиться как к источнику не только к литературно–критическим материалам конца XIX в., но к источникам самым разнообразным, выявляющим настроения читателя и не вводившимся ранее в литературный оборот: газетным эссе, письмам читателей к Чехову, газетным пародиям и фельетонам и пр. Анализ формирования литературной репутации Чехова в аспекте указанного конфликта ранее не обращал на себя внимания исследователей.

Ключевые слова: А.П. Чехов, литературная репутация, литературная критика, роль читателя в литературном процессе.

---

* E-mail: lika_kzn@mail.ru

Введение

А.П. Чехов и его критики – проблема, которой посвящено множество работ, появившихся как при жизни Чехова, так и сразу после его смерти. Уже в 1900–е гг. утвердилась мысль о том, что Чехов пережил «обиду непонимания» и что критика чуть ли не травила писателя. Несмотря на то, что отдельные критики высказали о писателе весьма точные и меткие наблюдения, в целом практически вся современная ему критика утверждала, что Чехов – неплохой, талантливый автор, но явно не гений. И тем с большим недоумением критики реагировали на огромную, ни с чем не сравнимую издательскую славу А.П. Чехова, при появлении которого в театре публика устраивала овации, рассказ которого обеспечивал тираж журналу, а дамы дарили букеты роз во время его прогулок по набережной Ялты.

Именно поэтому во многих мемуарах, в прижизненной и посмертной критике и других обсуждался вопрос о том, была ли слава писателя случайностью или закономерностью, достоин ли он этой славы. Среди тех, кто склонялся к тому, что слава досталась писателю незаслуженно, были такие авторитетные в России люди, как издатель газеты «Новое время» А. Суворин, писательница и критик символистского направления З. Гиппиус, известнейший критик Н. Михайловский и многие другие. Когда и почему прозвучал этот вопрос и почему на протяжении нескольких десятилетий с конца 1880–х гг. по 1910–е он был одним из самых насущных для абсолютного большинства пишущих о Чехове – важнее даже, чем вопросы, связанные с особенностями его творчества?

Основная часть

В конце 1880–х гг. по отношению к Чехову доминировало представление о том, что у него большое будущее и что его талант будет развиваться в «нужном» направлении. Правда, как отмечала Е.М. Сахарова, «начиная с 1887 г. свое мнение о Чехове спешили высказать представители самых разных лагерей и направлений, причем имя его часто использовалось ими в групповых

интересах, с очевидным стремлением зачислить талантливую и популярную писателя, без должных на то оснований, в свои единомышленники» – малая пресса считала Чехова прежде всего юмористом, либеральная критика писала о том, что Чехов все же ставит «серьезные вопросы», а Буренин использовал Чехова для выпадов против либеральных журналов (Цит. по: Чехов Сочинения 1976. 620). И в то же время критиков всех направлений объединяли большие сомнения: почему читатель взахлеб зачитывается произведениями «наблюдательными», скучными, лишенными гражданственности, даже циничными (См.: Михайловский 1890; Перцов 1893, статьи Р.А. Дистерло, К.П. Медведского и др.), хотя, как писала в 1890 г. издательница журнала «Северный вестник» А.М. Евреинова редактору Б.Б. Глинскому: «Он один способен дать 1000 подписчиков; я это не преувеличиваю, а твердо верю и знаю» (Цит. по: Чехов Сочинения 1977. 614).

Но исследователи практически не обращали внимания на один важный аспект: а кто были те критики, мнение которых было по отношению к писателю особенно авторитетным? Это были не просто «профессиональные читатели», но люди, претендовавшие на роль его старших друзей. Во второй половине 1880-х гг., Чехов гордится отзывами критики и прислушивается к ним. Он, по собственному признанию, «врасплох захвачен славой», чувствует необходимость как можно полнее оправдать доверие его таланту, а внимание известного писателя Д. Григоровича, издателя А. Суворина, критика Н. Михайловского, общественного деятеля и писателя В. Короленко и многих других вызвало в нем самокритику, желание воспитать себя как писателя. Именно эта критика подняла самосознание Чехова и внушила ему высокие представления о его таланте.

Эти «литературные друзья» оказались в связи с Чеховым сложной ситуации.

Во – первых, ситуации социокультурной. Еще в 1880-е гг. профессиональная направленческая критика обладала безусловным авторитетом в обществе, и проблема «литература и общество» решалась как

проблема «литература и профессиональные читатели – интеллектуалы», чье мнение оказывалось безусловным – широкая публика подчинялась и принимала их выводы. Между тем само понятие «общество» исторически изменчиво. Поскольку, по мнению Л.Гудкова, Б.Дубина и В.Страда, на определенном этапе складывается сеть «социальных и культурных посредников» между литературой и читателями, которые считают себя ядром культуры, они определяют «великих» и «невеликих» писателей, претендуют на представительство всей национальной культуры и представляют литературу как замену общественного мнения (Гудков, Дубин, Страда 1998. 27 – 29). Именно так понимала себя часть русской интеллигенции, считающая себя элитой и выражавшая свое мироощущение и мировоззрение в направленной профессиональной критике. Почти параллельно (с отставанием всего на несколько десятилетий – а не на большой промежуток времени, как это необходимо для правильного проживания обществом социокультурных явлений) развиваются в России черты общества нового типа: литература адресуется теперь не элите, а массовой публике, то есть каждому человеку, она уже не нуждается в посредниках – интерпретаторах. В этой ситуации традиционная авторитарная литературная критика объявляет читательское мнение «низовым». Критика сама растерялась от того, как изменилось ее положение: неоднократно высказывалось мнение о том, что уровень критики значительно вырос, однако влияние ее на общество упало, многие говорили о «кризисе критики». Но произошла не только «эмансипация читателя», критика потеряла доверие и со стороны художника.

Во – вторых, это была ситуация сложная с точки зрения социально – психологической. Российская интеллигенция выработала особый язык, на котором она разговаривала о жизни и о литературе. Как отмечала З. Гиппиус, в России «мысли в жизни заменены «вопросами» (например, «вопросом о мужике») <...> Чеховым привыкли восхищаться, но его не любят. Он до сердца не доходит, назревших «вопросов» не затрагивает, а если затрагивает, то все–таки чересчур чисто. Горький – другое дело. Он «в самый центр»

попал, а в его произведениях есть и мужик, и интеллигент, и возмущение порядками, и бесшабашная «русская удаль», и слезы, и кураж подвыпившего рабочего» (Гиппиус 1900. 85-87). Эту слабость живого чувства в критике этого типа хорошо чувствовал и Чехов. Впрочем, он чувствовал в интеллигенции 1880-х гг. слабость любви не только к литературе, но и к жизни как таковой. П.Д. Боборыкин вспоминал: «Его как художника (да и как человека) всегда мало привлекали типы крайнего политико-социального и даже народнического лагеря. После своей поездки на Сахалин он рассказывал мне в шутовском тоне, как его среди ссыльнокаторжных гораздо больше интересовали экземпляры уголовных преступников, махровые продукты нравственного извращения, особенно интеллигентов, чем те «политические», каких он находил на Сахалине. «Ведь наперед знаешь, о чем и в каком тоне такой политический будет говорить с вами. А у каждого крупного экземпляра уголовного преступника есть своя физиономия, свой тон и язык, своя психика». Это вполне понятно. Художник-бытописатель не мог иначе оценивать обитателей Сахалина» (Боборыкин б.г. Лл. 7-8). Поэтому очень многие профессиональные критики признавались в том, что Чехов им чужд, но они пишут о нём, поскольку это крупное литературное явление – И.Б. Ничипоров назвал это чувство «ревнивой заинтересованностью» (Ничипоров 2005. 8), оно проявлялось в статьях в явно выраженном тоне раздражения. Например, В. Брюсов писал: «Чехова я лично не знал и никогда не мог мыслить о нем иначе, как в форме отвлеченных суждений. Сознаюсь даже, что я – вполне сознавая художественное значение его творчества – никогда не увлекался им. Я чтил Чехова больше с холодным уважением, чем с настоящей любовью. Есть, должно быть, в нем что-то чуждое, враждебное самой сущности моей души» (Брюсов 1960. 177). Под этой фразой с удовольствием бы подписались десятки критиков. «Теперь в заключение несколько слов о Чехове – художнике. В писаниях его меня всегда поражала одна черта: четкость и уравновешенность восприятия. Особенно я стою на этой уравновешенности. Вещи воспринимались им, какие они есть в реальности,

без малейших преувеличений в ту или в другую сторону. Воспроизводимое у него геометрически соответствует мгновенной действительности. Оттого в произведениях А.П. Чехова нет больших величин, ничего монументального, ничего преображенного пластическою рукою Хроноса. <...> У этих гигантов русской письменности уравновешенности нет. Она была у Чехова и предопределила его литературный путь. Честный отказ от философии и зеленеющее художественное восприятие в душе – ничего другого. Как прекрасен Чехов в своих письмах, особенно с пути, из Сибири, из Вены, из Рима, где прелестно и непринужденно изливается дикарское ощущение мирового величия. В Риме Чехов мечтает о том, чтобы поваляться на травке. Тут поблизости римский форум, арки, акведуки и термы, но пластический Хронос не опочил на них для юного варвара, и опять ему грезятся дальние города с крынками молока, с ситным хлебом и с грудастыми бабами», – писал критик А. Вольнский (Вольнский 2011).

В-третьих, ситуация оказалась сложной с «педагогической» точки зрения: Чехов не был покорным учеником. Внутреннее чувство независимости, сила таланта, осознание внутренней логики своего развития и смелость охраняли Чехова от чужих влияний – постепенно желание соответствовать ожиданиям критики перестало быть важным для внутренней самооценки Чехова. Если во время работы над «Степью» он писал ряду своих корреспондентов, что если он и взялся за большую вещь, которая ему, быть может, не совсем удалась, то в этом виноваты именно они, то уже в 1889 г. он писал Суворину: «Я рад, что 2–3 года назад я не слушался Григоровича и не писал романа! Воображаю, сколько бы добра я напортил, если бы послушался. Он говорит: «Талант и свежесть всё одолеют». Талант и свежесть многое испортить могут – это вернее. Кроме изобилия материала и таланта, нужно еще кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость – это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу» (Чехов Письма 1976. 132–133).

В результате в отзывах критиков, в откликах литературных наставников Чехова чувствуется две противоположные тенденции: во-первых, недовольство характером его творчества и надежда его исправить («Г. Чехов <...> пренебрег литературной школой и литературными образцами авторитетов; пренебрег художественными вкусами читающей публики, быть может, и дурными, но все же господствующими» (Р-ий 1892) и, во-вторых, невольное подчинение обаянию его таланта, когда те же люди чувствуют себя просто читателями. Эта двойственность вполне четко отразилась в постановлении академической комиссии, которая 7 октября 1888 г. присудила Чехову половинную Пушкинскую премию: «...рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяют требованиям высшей художественной критики, представляют однако же выдающееся явление в нашей современной беллетристической литературе» (Цит. по: Чехов Сочинения 1976. 465). Выдающееся явление, которое не удовлетворяет требованиям художественности!

Отношения Чехова с его «друзьями-критиками» развивались в рамках сложного сюжета. Поскольку в 1880-е гг. формировала репутации писателей профессиональная направленческая критика толстых журналов, а центром этой критики был Петербург, то и первым признанием Чехов обязан именно Петербургу. Приезды в Петербург, знакомство с Короленко, Михайловским, возможность печататься в «Новом времени», «Северном вестнике» и пр. знаменовали быстрое признание в литературных кругах. Чехов в это время часто говорил о своей славе: «Все говорят, а вдруг это неправда»; потому с недоумением смотрел на восторги вчера еще не ведавшего его читателя и не раз повторял: «Вот еще нашли... Это все Григорович с Бежецким выдумали, а Суворин поверил... Талант! А я уж сколько времени так пишу...» (Немирович-Данченко 1910. 401).

Но в ответ за признание Петербург потребовал, именно потребовал, многого! Критики полагали, что Чехов, безусловно, талант, но он нуждается (тем более что Чехов малообразован в социальном и политическом плане,

неотесан, не умеет вести себя в литературе) в огранке. И роль воспитателя хотели взять на себя практически все. Отсюда недоумение Чехова: «Рецензий было много, и между прочим в «Северном вестнике». Читаю и никак не могу понять, хвалят меня или же плачут о моей погибшей душе? «Талант! талант! но тем не менее упокой господи его душу» – таков смысл рецензий» (Чехов Письма 1975. 118 – 119). Именно с «воспитательной целью» обратились к Чехову с известными письмами Д. Григорович, Н. Михайловский, видимо, грела душу Суворина роль Пигмалиона при молодом Чехове. Главное, что вызывало настороженность – это очевидная самостоятельность Чехова, явное нежелание и неумение быть покорным учеником. Так, Н.К. Михайловский, прочитавший «Степь» в корректуре, написал Чехову письмо с попыткой повлиять на него: «Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем <...> не сознавая своей огромной силы», – и призывал Чехова уйти из изданий, с которыми от сотрудничал. Чехов, судя по всему, ответил ему, защищая свою независимость (Михайловский 1914. 216–217).

Интересна история письма, написанного Чехову Д. Григоровичем, который якобы первым поддержал молодого писателя. Версия о том, что Чехова открыл именно он, закрепилась не без постоянных публичных напоминаний самого Григоровича – будучи сентиментальным, восторженным и наивно – эгоистическим человеком, он не упускал случая поговорить об этом. И. Потапенко вспоминал: «Мне памятен один приезд в Москву покойного Д.В. Григоровича. <...> Само собою разумеется, что был специальный расчет на присутствие в Москве Антона Павловича. С одной стороны, хотелось показать петербургскому литератору лучшее, что есть в литературной Москве, и чем она гордится, а с другой – имели в виду особые отношения между Чеховым и Григоровичем. Ведь старый писатель первый заметил талант Чехонте в его маленьких рассказах, печатавшихся в сатирических журналах, обратил на него внимание Суворина, написал ему трогательное отеческое письмо. Антону Павловичу все это было поставлено на вид – и уж само собой разумелось, что он будет украшением «филиального

чувствования». А.П. впал в мрачность <...> «Так я завтра уезжаю». – Я возмутился: «Как же так? Григорович, его письмо... Такие отношения... Наконец, разочарование Лаврова и всех прочих...». И тут он начал приводить свои доводы: «Ведь это понятно. Я был открыт Григоровичем и, следовательно, должен сказать речь. И при этом непременно о том, как он меня открыл. Иначе же будет нелюбезно. Голос мой должен дрожать, и глаза наполниться слезами. Я, положим, этой речи не скажу, потому что не умею. Но встанет Лавров – и расскажет, как Григорович меня открыл. Тогда подымеется сам Григорович, подойдет ко мне, протянет руки и заключит меня в объятия и будет плакать от умиления. Старые писатели любят поплакать. Ну, это его дело, но самое главное, что и я должен буду плакать, а я этого не умею. Словом, я не оправдаю ничьих надежд». На обеде сам Григорович заговорил о том, как он писал Чехову, как открыл его талант и т.п. (Потапенко 1914. 512 – 513).

Чехов в ответном письме Д. Григоровичу в 1886 г. жаловался: «У меня в Москве сотни знакомых, между ними два десятка пишущих. И я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника. <...> Если мне пойти туда и прочесть хотя кусочек Вашего письма, то мне засмеются в лицо» (Чехов Письма 1974. 218). Но... Чехов сам читал письмо Григоровича приятелям, познакомил с ним и В.Г. Короленко. Амфитеатров считал, что знаменитое ответное письмо Чехова – это литературное произведение: «В московских литературных кругах уважали и ценили Чехова задолго до письма Григоровича. <...> Да и читалось это письмо. Не помню, читалось ли оно в кружке, но в Москве о нем очень знали. И Чехов из него секрета не делал. И, конечно, не встречал никаких насмешек, а напротив, самое живое и радостное сочувствие. Мы же, молодые, были прямо в восторге, что Чехову начинает везти. Однажды даже шампанское пили по этому случаю: Курепин, Чехов, я, Евгений Пассек, Гиляровский» (Амфитеатров б.г. 142–143).

Скорее всего, после похвал и восторгов Григоровича А.С. Суворин решил пригласить Чехова в «Новое время». Знаменитое письмо Григоровича было

получено Чеховым 26 марта 1886 г., после первых публикаций в «Новом времени» и письма Суворина со словами поддержки. Потому письмо написано для того, чтобы продемонстрировать приоритет в открытии Чехова, которое в глазах широкой читающей публики могло уже закрепиться за Сувориным. В подтексте этого письма звучала как раз мысль о том, что руководителем Чехова потому должен считаться именно он.

Произведения Чехова постоянно вызывали резкие упреки «пигмалионов», например, В. Короленко, также претендовавшего, по праву «старшего» и уже отбывшего ссылку в Сибири, на роль чеховского руководителя. Чехов казался «подозрительным», «не нашим», каковым, он собственно, и был по отношению к тому типу властителей дум, который сложился к 1880–м гг. Каждый взявший на себя роль литературного наставника Чехова советовал ему бросить многописание и взяться за большую вещь – роман. Это общее «ожидание романа» долгое время сказывалось на литературной репутации Чехова. Представление о том, что Чехов пишет много, скоро, не отделявая, родилось на потому, что мысль об этом была удобна его «пигмалионам»: была возможность проявить свою заботу о Чехове, была сфера применения сил – научить Чехова хорошо писать. Позже, в мемуарах Короленко, Суворина, которые и сообщили первыми в июле 1904 г. о том, что Чехов мог лежать в купальне написать любой рассказ и не правя отправить его в редакцию (именно эти мемуары и цитируются чаще всего биографами раннего Чехова), сказало их раздражение от чеховского непослушания. Так что достоверность их свидетельств, которые считаются весьма авторитетными из-за безупречной репутации Короленко и долгой дружбы Суворина с Чеховым, должна быть скорректирована с учетом того, что под влиянием их обиды, быть может, даже глубоко затаенной, они оба поставили акценты так, что представления современников и потомков о раннем Чехове оказались весьма неточными.

Потому личное общение с Чеховым опосредованно сказывалось на концепциях критических статей. Чехов оказался непослушным, нежелающим быть ведомым. Обида руководила его старшими друзьями и отражалась как в

их собственных критических статьях, так и... в сплетнях: те же люди, которые писали «критику» на Чехова, распространяли в околослитературных кругах сплетни. Возникли слухи о меркантильности Чехова, видимо, обсуждалось, не без преувеличений, и его донжуанство, неумение и нежелание соблюдать принятый этикет по отношению к авторитетам и т.д. Среди тех, кто распространял эти слухи, были, судя по письмам писателя и намекам в мемуарах, не только литературные конкуренты, но и те же чеховские «пигмалионы»: Суворин, Григорович и пр. Распространилось и мнение о том, что талант его не в меру преувеличен друзьями: «Давно не приходилось присутствовать при таком полном провале пьесы. Это тем замечательнее, что пьеса принадлежит перу талантливого автора, хотя, быть может, и не в меру возвеличенного друзьями. О, эти друзья талантливых авторов!» (Номо Novus 1996)

В мемуары проникали отголоски отношения к нему в литературных кругах – как к чудаку, от которого можно ждать чего угодно и к словам которого можно не относиться всерьез. Самая знаменитая сплетня, конечно, о «Риме и травке», которую усердно распространяли Суворин и чета Мережковских: «Через много лет большой его почитатель А.С. Суворин, ревниво отыскивавший новые таланты, повез его в Венецию. В моей записной книжке сохранился рассказ старика о Чехове: «Вот уж не ожидал: Антон Павлович ни на что не смотрел. Больше с Алешей на балконе, над Canal Grande в винт играл. Мне так хотелось, чтобы он хоть памятник Кановы посмотрел. Помните, на пьяцца деи Фрари. Взял с него слово. Утром спрашиваю: – Видели? – «Видел!» – Ну что же? – «Хоть сейчас на Волково кладбище!» Я даже плюнул. А потом узнал: он там и не был. Купил себе открытку с этим монументом и успокоился. Упрекаю его. – «А зачем мне. Я ведь не собираюсь открывать мастерскую надгробных памятников для рогожских купцов». <...> А на пьяцца Сан Марко. Собор весь в золоте заката. Фрески живут. Нероновская квадрига на лазури – вот-вот бронзовые лошади ринутся... А он: «Голуби то, – радуется, – совсем как у нас на Собачьей площадке» (Немирович

– Данченко 1929. 4). Другой мемуарист вспоминал: ««Голубушка, – говорил он мне как-то в Петербурге, в суворинской квартире, разгребая угли в камине. – Женитесь на нормальной женщине. Все эти (он назвал одно известное в литературе женское имя) – бог с ними. Поселитесь в Малороссии, она будет пироги печь, кур разводить, гусей... хорошо!» Помнится, иногда такие замечания огорчали его почитателей. Помилуйте, Чехов и вдруг такие обывательские речи! <...> Приговор был произнесен немедленно: талант талантом, а "душа купеческая"» (Червинский 1918). А вот еще одно наблюдение: «Антон Павлович, узнав от меня о моей поездке, стал подробно расспрашивать меня о маршруте. <...> «Вы правильно сделали, что едете на Кавказ. Это лучшее путешествие. С Кавказом ничего не может сравниться, не думайте, что Альпы лучше Кавказа; Дарьяльское ущелье – это такое место, какого не найдете нигде в Европе. Ни Ривьера, ни Швейцария, ни Италия даже в сравнение не могут идти с Кавказом». А когда он узнал, что я еду с двумя мужчинами, то заметил: «Лучше с одним... с одной... дамой. Берите на Кавказ с собой даму!..» <...> После такого восхваления Кавказа поднялся спор. Присутствовавшие, за исключением меня, обрушились на А.П. Чехова, доказывали, что за границей удобнее, культурнее, лучше, что на Кавказе нет воды, слишком высока снеговая линия и т.п., но Антон Павлович стоял на своем и нисколько не поддавался никаким доводам. Отнесено было на счет его оригинальности оправдание: «Ну, это Чехов говорит». Так никто никого и не убедил» (М.Л. 1910).

В истории литературной репутации Чехова есть момент, когда раздражение старших литературных друзей было крайне опасным: это начало 1890-х гг. Период ожидания от Чехова «большого произведения» и чего-то, что подтвердило бы надежды критики, закончился. Если начинающему талантливому беллетристу много прощали, то теперь еще молодому, но известному автору не прощали того, что он не подчинился, продолжает писать «по – своему», не желает писать так, как требует «художественная теория». Критика постоянно пишет об упадке таланта, о том, что Чехов не отказался от

прежних отрывочности, силуэтности, так и не научился писать что – то цельное и стройное. В 1892 г. один из критиков прямо писал, что прежние произведения Чехова, «как известно», писались наскоро, по случайному поводу, теперь же критика ждет от него продуманных вещей: «Тут решается некоторым образом «быть или не быть»? Оправдал ли г. Чехов надежды, возлагавшиеся на него, и можно ли, по крайней мере, еще надеяться, что он их оправдает впоследствии?» (Южный 1892). Ряд произведений прошел практически незамеченным: это «Рассказ неизвестного человека», «Попрыгунья» активно обсуждалась в Москве в связи с прототипами рассказа, но почти не обсуждалась с художественной стороны, почти незамеченными прошли «Три года», «Бабье царство». Практически каждый пишущий о Чехове вынужден был делать оговорки и отмечать талантливость и «художественность» его рассказов – но эта загадочная «талантливость» существовала словно сама по себе, независимо от всего остального, что вызывало только лишь сомнения...

Первая волна славы, как это часто бывает при открытии таланта, затухала, отношение к Чехову становилось стабильным. Необходима была вторая волна успеха. Нужны были произведения, которые резко потрясли бы общество, «выстрелили» так, что вызвали бы вторую волну славы и закрепили литературную репутацию писателя на новом, более высоком уровне. И такие произведения появились. По общему мнению, это «Палата № 6» и «Мужики», вызвавшие восторг и читателей, и критики. Именно в этих произведениях проявились в наиболее совершенной, концентрированной и осознанной форме те особенности поэтики Чехова, которые обладали особой силой эмоционального воздействия на читателя вплоть до его полного подчинения автору: «Но твои «Мужики» – величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, по крайней мере для русского человека <...> Удивительно высок и целен твой талант в «Мужиках». Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного, шекспировского рисунка, точно ты не писатель.

а сама природа (подчеркнуто нами. – Л.Б.) <...> Я чувствую в «Мужиках», какая погода в тот или иной день действия, где стоит солнце, как сходит спуск к реке. Я все вижу (выделено адресантом – Л.Б.) без описаний, а фрак вернувшегося «в народ» лакея я вижу со всеми швами, как вижу бесповоротную гибель всех его, Чигильдеева, светлых надежд на жизнь в палатах Славянского Базара. Я никогда не плачу: когда он надел и затем уложил фрак, я дальше долго не мог читать», – писал Чехову А.И. Сумбатов – Южин (Записки 1941. 62).

Заключение

В полемике вокруг А.П. Чехова между критикой и читателями победил массовый демократический интеллигентный читатель.

Пока профессиональную критику различных направлений раздражает литературная дерзость Чехова, растет интерес к Чехову со стороны читателя. Впервые именно читатель определил литературную репутацию писателя, проигнорировав мнение литературных авторитетов. Как свидетельствовал А. Измайлов: «Надо вспомнить исключительное положение Михайловского в тогдашней литературе и общественности, чтобы оценить значение этих расхолаживающих, скупых слов для Чехова. Он был буквально последний из «стаи славных». Про него говорили «magister dixit», «учитель». Молодежь знала из него целые страницы и спорила «по Михайловскому». В журналистике и газетном мире прислушивались к его камертону. Одно его слово выдвигало писателя на степень известности, и одно слово навсегда убивало. К несчастью Чехова, которому это стоило дорого, первый критик его времени не поддержал его, не понял, заподозрил прогрессивность его взглядов и вкусов, отнесся к нему с осторожной и скупой сдержанностью и не только не поддержал, но, можно сказать, отверг <...> Даже после «Палаты № 6» и «Мужиков» Михайловский не более как снисходил к слишком очевидному таланту, но не записывался в его поклонники <...> Читающее общество на этот раз пошло не только мимо первого критика, но и наперекор ему»

(Измайлов 1916. 310–311). Литературные «пигмалионы» были тем более раздражены, к тому же у них появился повод для обвинений писателю: его произведения вызывают чисто эмоциональный восторг, но с рациональной точки зрения в них нет ничего достойного.

Именно это объясняет мысль, высказанную И.Н. Сухих – просто колебались в оценке Чехова одни, а популярность в это время создавали другие, чье мнение обычно остается за пределами внимания исследователей восприятия Чехова литературной критикой. При этом отношение к Чехову как человеку и писателю со стороны обиженных «пигмалионов» оказалось важнейшим фактором формирования его литературной репутации: они поставили вопрос о том, случайной или закономерной была слава Чехова, определив этим направление споров о писателе на несколько десятилетий.

Литература.

- Амфитеатров А. (без года). *Тризна*. М., б.г., С.142–143.
- Боборыкин П.Д. (без года). *Встречи с Чеховым (Из запаса памяти)*. Машинописная копия. РГАЛИ. Ф. 549. Оп. 1. Ед. хр 327. 18 лл.
- Брюсов В.Я. (1960). *Письма к В.С.Миролюбову (подгот. А.Б. Муратовым)* // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. № 5. С. 177.
- Волынский А. (2011). [Воспоминания] // Наше Наследие. № 98. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/2011-98.php>
- Гиппиус З. (1900). *Торжество в честь смерти. «Альма», трагедия Минского* // Мир искусства, ж., СПб., № 17–18. – С. 85–94.
- Гудков Л., Дубин Б., Страда В. (1998). *Литература и общество: введение в социологию литературы*. М, Российск. гос. гуманит. ун – т.
- Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина* (1941). М., Госполитиздат.
- Измайлов А. (1916). *Чехов: Биографический набросок*. М, 592 с.
- Ното novus [Кугель А.]. (1896). *Александринский театр. Бенефис г-жи Левкеевой «Чайка», ком. в 4 д. Ант. Чехова* // Петербургская газета. № 288 – 289, 18–19 октября.

- М.Л. [Лавров М.В.] (1910). *А.П. Чехов в девяностых годах: по личным воспоминаниям* // Туркестанские ведомости. № 46.
- Михайловский Н.К. (1890). *Письма о разных разностях* // Русские ведомости, газ. М., № 104, 18 апреля .
- Михайловский Н.М. (1914). *[Письмо к А.П.Чехову]* // Слово / под ред. М.П. Чеховой.– Сб.2. – М., Кн-во писателей в Москве, С. 216–217.
- Немирович–Данченко Вас.И. (1929). *Мои встречи с Чеховым* // Сегодня. Рига., 15 сентября. № 256. – С. 4.
- Немирович – Данченко Вас. И. (1910). *Памятка о Чехове* // Чеховский юбилейный сборник. М., С. 395–405.
- Ничипоров И.Б. (2005). *Спор о типах художественного мышления (Валерий Брюсов о Чехове)* // Молодые исследователи Чехова. 5: Материалы международной научной конференции (Москва, май 2005 г.). М., Изд-во "МГУ".
- Перцов П.П. (1893). *Изъяны творчества* // Русское богатство, ж. – СПб., № 1. – С. 39–71 вт. паг.
- Потапенко И. (1914). *Несколько лет с А.П. Чеховым: К 10 – ю со дня его кончины* //Нива., № 26. – С. 512–513.
- Р – ий. (1892). *Смелый талант* // Гражданин. СПб., № 34, 3 февр.
- Сухих И.Н. (2002). *Сказавшие «Э!» Современники читают Чехова* // А.П. Чехов: Pro et contra: Антология. СПб., Изд-во русского православного гуманитарного института. С. 5–44
- Червинский Ф.А. (1918). *Встречи с А .П. Чеховым*// Понедельник «Народного слова». М., № 4.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Письма: В 12 т., М., Изд-во "Наука", 1974 – 1983. Т. 1. Письма, 1875–1886., М., Изд-во "Наука", 1974. — 584 с.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Письма: В 12 т. М., Изд-во "Наука", 1974 – 1983. Т. 2. Письма, 1887— сентябрь 1888 М., Изд-во "Наука", 1975. — 584 с.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Письма: В 12 т. М., Изд-во "Наука", 1974–1983. Т.3. Письма.М., Изд-во "Наука", 1976. – 575 с.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М., Изд-во "Наука", 1974–1982. Т. 4. [Рассказы. Юморески], 1885–1886. 1976. – 552 с.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Сочинения: В 18 т., М., Изд-во "Наука", 1974–1982. Т.6. [Рассказы. Повести], – 736 с.

- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Сочинения: В 18 т., М., Изд-во "Наука", 1974–1982. Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888–1891. – 1977. – 735 с.
- Южный М. [Зельманов М.Г.] (1892) *Новые произведения г. Чехова* // Гражданин, журнал – газета. СПб., № 21, 21 января.

Bibliography

- Amfiteatrov A. (bez goda). *Trizny*. M., b.g., S.142–143.
- Boborykin P.D. (bez goda). *Vstrechi s Chehovym* (Iz zapasa pamjati). Mashinopisnaja kopija. RGALI. F. 549. Op. 1. Ed. hr. 327. 18 ll.
- Brjusov V.Ja. (1960). *Pis'ma k V.S.Miroljubovu* (podgot. A.B. Muratovym) // Literaturnyj arhiv. Materialy po istorii literatury i obshhestvennogo dvizhenija. № 5. S. 177.
- Volynskij A. (2011). [*Vospominanija*] // Nashe Nasledie. № 98. Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/2011-98.php>
- Gippius Z. (1900). *Torzhestvo v chest' smerti*. «Al'ma», tragedija Minskogo // Mir iskusstva, zh., SPb., № 17–18. – S. 85–94.
- Gudkov L., Dubin B., Strada V. (1998). *Literatura i obshhestvo: vvedenie v sociologiju literatury*. M., Rossijsk. gos. gumanit. un – t.
- Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR im. V.I. Lenina* (1941). M., Gospolitizdat.
- Izmajlov A. (1916). *Chehov: Biograficheskij nabrosok*. M., 592 s.
- Homo novus [Kugel' A.]. (1896). *Aleksandrinskij teatr. Benefis g-zhi Levkeevoj «Chajka», kom. v 4 d. Ant. Chehova* // Peterburgskaja gazeta. № 288 – 289, 18–19 oktjabrja.
- M.L. [Lavrov M.V.] (1910). *A.P. Chehov v devjatisjatyh godah: po lichnym vospominanijam* // Turkestanskije vedomosti. № 46.
- Mihajlovskij N.K. (1890). *Pis'ma o raznyh raznostjah* // Russkije vedomosti, gaz. M., № 104, 18 aprelja.
- Mihajlovskij N.M. (1914). [*Pis'mo k A.P.Chehovu*] // Slovo / pod red. M.P. Chehovej. – Sb.2. – M., Kn–vo pisatelej v Moskve, S. 216–217.
- Nemirovich–Danchenko Vas.I. (1929). *Moi vstrechi s Chehovym* // Segodnja. Riga., 15 sentjabrja. № 256. – S. 4.
- Nemirovich – Danchenko Vas. I. (1910). *Pamjatka o Chehove* // Chehovskij jubilejnyj sbornik. M., S. 395–405.
- Nichiporov I.B. (2005). *Spor o tipah hudozhestvennogo myshlenija (Valerij Brjusov o Chehove)* // Molodye issledovateli Chehova. 5: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, maj 2005 g.). M., Izd–vo "MGU".

- Percov P.P. (1893). *Izъjany tvorčestva* // Russkoe bogatstvo, zh. – SPb., № 1. – S. 39 – 71 vt. pag.
- Potapenko I. (1914). *Neskol'ko let s A.P. Chehovym: K 10 – ju so dnja ego končiny* //Niva., № 26. – S. 512–513.
- R – ij. (1892). *Smelyj talant* // Grazhdanin. SPb., № 34, 3 fevr.
- Suhij I.N. (2002). *Skazavshie «Je!» Sovremenniki chitajut Chehova* // A.P. Chehov: Pro et contra: Antologija. SPb., Izd–vo russkogo pravoslavnogo gumanitarnogo instituta. S. 5–44.
- Chervinskij F.A. (1918). *Vstrechi s A .P. Chehovym*// Ponedel'nik «Narodnogo slova». M., № 4.
- Chehov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t.*, M., Izd–vo "Nauka", 1974 – 1983. T. 1. Pis'ma, 1875–1886., M., Izd–vo "Nauka", 1974. — 584 c.
- Chehov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30t . Pis'ma: V 12 t.* M., Izd–vo "Nauka", 1974 – 1983 T. 2. Pis'ma, 1887— sentjabr' 1888. M., Izd–vo "Nauka", 1975. — 584 c.
- Chehov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30t . Pis'ma: V 12 t.* M., Izd–vo "Nauka", 1974–1983. T.3. Pis'ma. M., Izd–vo "Nauka", 1976. – 575 c.
- Chehov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: V 18 t.* M., Izd–vo "Nauka", 1974–1982. T. 4. [Rasskazy. Jumoreski], 1885–1886 1976. – 552 s.
- Chehov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: V 18 t.*, M., Izd–vo "Nauka", 1974–1982. T.6. [Rasskazy. Povesti], – 736 s.
- Chehov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: V 18 t.*, M., Izd–vo "Nauka", 1974–1982. T. 7. [Rasskazy. Povesti], 1888–1891. – 1977. – 735 s.
- Juzhnyj M. [Zel'manov M.G.] (1892) *Novye proizvedenija g. Chehova* // Grazhdanin, zhurnal – gazeta. SPb., № 21, 21 janvarja. a.

Концепция циклического времени в произведениях

Е.И. Замятина, А.П. Платонова и М.М. Пришвина

Ирина Попова*

Доцент, Мичуринский государственный аграрный университет.

Мичуринск, Россия.

(дата получения: май 2015 г.; дата принятия: июль 2015 г.)

Краткое содержание

В статье рассматривается идея цикличности существования мира. Получает обоснование мысль о том, что философы и литераторы с древнейших времен и до современности затрагивали вопрос прерывания обычного хода событий элементами деструктуризации общества (наступление хаоса). Автором была предпринята попытка доказать, что на конкретных примерах из жизни государств и отдельных социальных процессов, происходящих в обществе, русские писатели пытались дать рецепты предотвращения наступления очередной эры хаоса. Е.И. Замятин, А.П. Платонов, М.М. Пришвин предложили рассматривать развитие Вселенной и социума по единым законам и построили модели этого постулата в виде художественных образов, утвердили в форме публицистических эссе, философских работ и дневниковых записей. Модели эти философски и художественно очень убедительны, порокой тому несомненный талант и связанная с ним поразительная сверхчувствительность творцов,

Ключевые слова: Замятин, Платонов, Пришвин, художественный образ, философия, цикличность, хаос.

---

* E-mail: nickpopov2011@yandex.ru

Введение

Идею цикличности истории выдвинули античные философы Платон и Аристотель, а придал данной теории завершённую форму стоик Полибий в знаменитом труде «История в сорока книгах» (Полибий 1988. 403).

В целом для Полибия был характерен государственный взгляд на происходящие события, согласно которому он рассматривает историю как последовательную (предопределённую судьбой или роком) смену форм правления в рамках полного цикла: царство, тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия – царство. У греческого мыслителя функцию хаоса исполняют негативные формы правления (тирания, охлократия, олигархия), приходящие на смену их позитивным антиподам, когда монархия, власть аристократии или демократия «портятся» под влиянием людских пороков и, прежде всего, из-за упадка, наступающего вследствие ненадлежащего исполнения основной миссии элиты – заботы об устойчивости государства и о благе подданных. Охлократию или «власть толпы» Полибий считал наихудшей из форм правления, когда «водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя («демагога») толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца» (Полибий 1988. 394).

Совершая ритуальное убийство Кроноса, манихеи и коммунисты, как носители дуалистического религиозного сознания, полагали достаточным насильственное уничтожение зла. Данный процесс вел к непрерывному поиску врагов среди людей и к стремлению их уничтожить, чтобы зло также было уничтожено вместе с ними. В этом смысле данное учение является прямым предшественником современного западного гностического мессианского движения, именуемого глобализмом или либерализмом. Правда, очаги охлократического хаоса глобалисты пока подавляют в своих странах, но поощряют их возникновение в государствах с неустойчивыми политическими системами или проблемами в экономике. Но, к сожалению, вместо ярких личностей в роли коллективного демагога выступают либеральные средства

массовой информации, однако и в данном случае провозглашается «конец истории» как «торжество монопольного мира» или вечного правления «града на холме», которым считается Вашингтон. В отличие от греческих стоиков русские писатели (Е.И. Замятин, А.П. Платонов, М.М. Пришвин) полагали, что историей или субъективным временем человечества руководит не слепая судьба, а государственное творчество множества людей, объединенных именем «народ».

Основная часть

Во вступительном слове к исторической драме «Огни св. Доминика» (1920) Евгений Иванович Замятин строит интересную историософскую гипотезу о рождении и угасании идей, подобных животному организму: в муках они явились на свет – в муках и уходят, только вначале мучают адептов новой религии, а затем последователи этих страстотерпцев истязают своих противников. На плаху или костер восходит новая религия или новая идея, которая страдает, пока «молода», и приносит бедствия и муки перед самым своим «концом». Палачество есть признак агонии идеологии и, напротив, страдания есть признак зарождения нового мира. Справедливости ради следует признать, что несколькими десятилетиями ранее русский философ Константин Леонтьев сделал предположение о конечности развития народов и периодах их существования. Вероятно, именно у него Замятин почерпнул тот отрезок времени, который упоминается во «вступлении»: двенадцать веков.

При всей замятинской поэтизации в этой гипотезе вполне отчетливо видны собственные, а не отраженные (чужие) взгляды писателя на бытие человечества. Во-первых, Е.И. Замятин определяет внешние признаки начала и завершения развития цивилизации (а не только народа, этноса). Для него этими признаками являются страдания людей, воплотившиеся в форму исторического эксцесса. Писатель вполне ясно понимает, что в той или иной мере человек страдал всегда, но в отдельные моменты истории страдания количественно и качественно превышают некоторую критическую черту и

воспринимаются людьми уже не как частный случай, а как событие с отрицательным знаком – эксцесс. Именно нарушение установившегося общественного порядка является законом изменения ценностных ориентиров данной цивилизации, что, в конечном счете, приводит к смене одних народов другими. Во-вторых. Замятин наблюдает и художественно воплощает корреляцию признаков угасания цивилизации со вторым законом термодинамики. В дряхлеющей идее он замечает признаки энтропии, описанные в физике. Эта же мысль ясно выражена в романе «Мы» (Запись 28-я. Конспект: Обе. Энтропия и энергия. Непрозрачная часть тела).

В-третьих, готовность адептов новой идеи к страданию, по Замятину, есть главный признак грядущей победы возникающего учения «вновь родившегося» народа. Страдания – нечто вроде «наведенной индукции», энергетический посыл «извне», благодаря которому получает инерцию развития новая цивилизация или идея. В свете подобного предположения получают новое мифологическое звучание и некоторые художественные произведения Замятина, в частности, повесть «Наводнение» (1929), справедливо названная «космогонической» (Желтова 1999. 45).

Космогоничность здесь и в образе наводнения, характерного для мировой литературы, начиная с описания Потопа, и особенно в зашифрованной мифе о страданиях Великой Матери, рождающей в муках жизнь человека нового общества, народа. При этом рождении боль, смерть, предательство – закономерные события, а не случайные флуктуации сознания людей. Мученичество, а равно и палачество, есть следствие энтропийного процесса, завершение которого описано в повести Замятина «Уездное» (1912). Жизнь маленького городка – это цивилизация в миниатюре, царство дремучего обывателя, защищающего свое благополучие любыми средствами. Если внимательно присмотреться, то инквизиторы из «Огней св. Доминика» и «хранители» из романа «Мы» – это те же обыватели, стремящиеся замедлить ход истории доступными им методами. В методах, в возможностях их применения, заключен двойной смысл: действия энтропийной идеи зеркально по-

вторяют ее же собственную историю и своеобразно защищают эту историю от энергичного чужеродного вторжения, они охранительны по сути и одновременно обнаруживают чрезвычайную слабость власти. Террор, согласно Замятину, – признак слабости, а не силы. Действительно, сильный на слово ответит убедительным словом, на мечту – более яркой мечтой. Слабый же за слово и мечту воздаст пыткой и смертью. Иных доводов у него нет.

У народившейся идеи есть и сила, и страдание, но нет одного – истории. Она побеждает не только благодаря готовности своих адептов к смерти, но и потому, что прежняя история закончилась, ослабла, прошла отмеренный срок. Е.И. Замятин – автор гипотезы о цикличности социальных процессов – очень убедителен в художественных произведениях, но при анализе реальной истории, например, истории альбигойцев, его поэтика только скользит по «поверхности» событийного ряда, не затрагивая глубинных причин «первой инквизиции», поэтому кажется, что художник «побеждает» историка или историософа. Нет ли в его выводах преувеличения? За ответом обратимся к творчеству еще одного знатока проблемы разрушения старого строя – А.П. Платонову.

Как отмечает в своей работе А.М. Шестерина (Шестерина 1999. 234), в произведениях Платонова начала тридцатых годов произошли существенные перемены. Для того, чтобы понять их смысл, нужно проанализировать систему платоновских героев, включая и описание писателем человеческих коллективов.

Персонажей в книгах Платонова, как заметили исследователи, не просто много, а очень много, например, в романе «Чевенгур» – более двухсот семидесяти, но они не сливаются в толпу, а обладают собственной индивидуальностью. Отмечено, что в первый период творчества Платонова мысли, чаяния, мечты, да и просто физические действия героев его книг разнонаправлены, более того, векторы – доминанты их судеб – имеют такие причудливые пути, которые могли быть рождены только мощной фантазией А.П. Платонова, обусловленной ирреальной реальностью тех лет. Его герои

устремлены в битву, в котлован (к центру Земли), в подсознание, в смерть, в светлое будущее, к могиле Розы Люксембург, в странствие без цели, во тьму, в неделание, в лихорадочное бесцельное действие, в беспричинную радость. Сочетание этих векторов в судьбах героев настолько своеобразно, что описать их взаимодействие можно, употребив только платоновскую же излюбленную метафору, сравнив систему его образов с паровозом, точнее, с состоянием перегретого пара в котле. Люди и их судьбы в творчестве писателя в двадцатые годы представляют собой как бы молекулы, находящиеся в хаотичном броуновском движении. Перед нами – некая паровая машина, обладающая внутренней энергией, но, что очень важно, фактически не совершающая никакой полезной работы. Социум, описанный Платоновым, переживает тот же самый классический энтропийный процесс. Смерть и муки людей являются, по сути, взаимной аннигиляцией противоположно заряженных частиц, а не злодейством. Платонов вводит своих героев не куда-нибудь, а в античную космологию, которая в общих чертах совпадает с современной физической картиной рождения мира. Согласно древнегреческим мифам, начальной стадией Вселенной был хаос, причем хаотичная квазисистема характеризовалась не отсутствием энергии, а отсутствием движения в едином направлении, поскольку еще нет времени, нет истории.

В творчестве Платонова тридцатых годов, начиная с повести «Джан» (1931), личностная ориентация деятельности людей получает единое и осмысленное направление благодаря обретению исторической памяти. Платоновский паровоз поставлен на рельсы истории, появилось движение: из прошлого в будущее. Соответствует ли это античной Космогонии? До деталей! Хаос там сменяется упорядоченным космосом после рождения Кроноса – времени. Платонов выстраивает и иерархию постижения времени людьми. Вначале это их собственная жизнь, например, странствия, обретшие определенную исходную точку и внятную цель. Затем, согласно иерархии, следует семья как выражение личностно-исторической памяти (пути от предков к потомкам), далее – история народа и человечества. Итак, в двадцатых годах в

творчестве Платонова господствует поэзия хаоса, а в тридцатых – поэзия упорядоченного космоса, то есть ощущение хода времени как движение от прошлого к будущему.

Формированию идеального образа такого будущего, где возможна гармония между различными сословиями на основе единой (религиозной) нравственности, посвящены произведения Ф.М. Достоевского. Однако Достоевский, обладая сверхчувствительностью, свойственной русским гениальным писателям, ощущал приближение хаоса и пытался разбудить разум образованной публики с помощью сильных чувств. Если в романе «Преступление и наказание» (1866) и более ранних его работах доминирующей эмоцией являлась жалость, то «Идиот» (1868), «Братья Карамазовы» (1880) и особенно «Бесы» (1872) воздействуют уже на чувство самосохранения высших и средних сословий страны, утративших ощущение единства с Родиной и религиозную мораль.

Практически одновременно с консервативной проповедью и охранительными произведениями Ф.М. Достоевского рождается русский анархизм – политическое течение, отрицающее государство. Автор анархического учения князь П.А. Кропоткин (Кропоткин 1990. 518) также был сторонником идеи линейно-циклического развития социальных систем, однако причиной краха и распада цивилизаций он считал именно государство, препятствующее всеобщей солидарности и взаимопомощи людей. Из философии князя Кропоткина родились современные представления о гражданском обществе. Правда, мятежный князь черпал свои представления о бесклассовом обществе из наблюдений за русской крестьянской общиной, казавшейся ему неким идеалом общественного устройства. Однако П.А. Кропоткин, как крупный помещик, увидел только внешнюю, возможно лучшую, сторону взаимоотношений внутри крестьянского общества, а затем, уже в многолетней эмиграции, сохранил в душе идеальный образ, придав ему законченный политический смысл, утверждая, что в хаосе безгосударственной жизни есть своеобразная гармония.

Убежденным противником государства был и великий русский писатель Л.Н. Толстой, так же очарованный внешней привлекательной стороной крестьянского самоуправления (Толстой 1992. 234). Граф Толстой, также наблюдавший за жизнью народа из окон своей барской усадьбы, отрицал государственные институты по той же причине, что и Кропоткин. Они оба ненавидели насилие, особенно государственное, и полагали народную нравственность, солидарность или богобоязненность достаточными преградами на пути хаоса.

Писатели «серебряного века» русской литературы, вынужденные жить в эпоху безвременья, не возвращали народнические иллюзии, а просто сами стали народом и в полной мере разделили все его традиции и невзгоды.

Следует особо подчеркнуть, что охлократические идеи, ведущие к безвременью и хаосу, присущи не только эгалитаристским уравнилельным негативным политическим движениям. Хотя представители современного либерализма подчеркивают свою буржуазность, то есть относят партийную принадлежность к числу так называемых «правых», однако по отношению к государству они являются явными последователями ортодоксального марксизма в варианте IV (троцкистского) интернационала. Правда, вместо пролетариата, на роль «передового класса» адепты либерального глобализма выдвигают так называемого «потребителя» или «рядового потребителя», который является по факту деклассированными социальными элементами, не осознающими и не желающими осознавать не только принадлежность к какому – либо классу, но и религиозную, социальную и даже половую ориентацию личности. Подобные люмпен-потребители являются удобным материалом для политических игр и прежде всего, для попыток утверждения идеи о ложном «конце времени», изображенном в финале трагедии И.В. Гете «Фауст», где слепой ученый, обманутый демоном, останавливал «прекрасное мгновение» на краю могилы, вырытой лемурами по приказу Мефистофеля (Гете 1987. 511).

Существуют, впрочем, русские литературные источники, описывающие

состояние хаоса, охватившего вполне консервативную аристократическую и даже монархическую социальную среду. Во время Гражданской войны в России, по воле случая несколько выдающихся русских писателей оказались на территории, занятой противниками большевиков: белогвардейцами, радикальными националистами и интервентами. Состояние хаоса там было еще более безнадежным, чем при большевистском правлении. Так М.А. Булгаков в романе «Белая гвардия» (1924) рассказывает о череде кровавых переворотов, происходивших в городе Киеве в великом и страшном 1918 году. По сравнению с директорией, петлюровщиной и гетманщиной, приход красноармейских полков показан у него как символ утверждения государственного порядка и стабильности.

Аналогичные идеи мы находим и в булгаковской пьесе «Бег» (1927), которую А. Кораблев назвал «...пьесой испытаний, булгаковским вариантом “Хождений по мукам”» (Кораблев 1988. 39). Однако наибольший хаос царил в Сибири, когда белогвардейские колчаковские войска осуществляли массовое устрашение населения с помощью террора. Именно этим событиям посвящен первый роман о Гражданской войне, написанный в 1922 году бывшим колчаковским офицером В.М. Зазубриным. Даже М.М. Пришвин, человек далекий от политики и войны, успел почувствовать «дыхание хаоса» (Пришвин 1990. 159), когда город Елец, в котором он проживал, захватили войска белого генерала Мамонтова. Арест писателя закончился бы трагически, так как был устроен самосуд и он был приговорен к расстрелу. Только заступничество земляков спасло Пришвину жизнь.

По нашему мнению, подобные катастрофические эксцессы могли происходить, в частности, и по причине субъективной «игры со временем». Коммунисты действительно хотели остановить историю, но в отдаленном будущем, после победы мировой революции и воцарения «царства справедливости», т.е., собственно, коммунизма. Их противники – белогвардейцы пытались повернуть время вспять, то есть вернуться из 1920 в июль 1913, когда не было войны и революции. Осуществить подобное деяние,

пожалуй, не смогли бы даже высшие силы, а для людей подобная задача тем более является совершенно непосильной и неразрешимой нигде, кроме воображения художника.

Многие писатели, не смирившись с новой властью, эмигрировали, произведения, написанные на чужбине, как правило, посвящали прошлому: изображали идеальный образ России, которую они потеряли. И.С. Шмелев возродил в памяти старую Москву в романе «Лето господне» (1848), написанном в Париже. И.А. Бунин «блуждал» в «Темных аллеях» (1938) ушедшего счастья и любви, создавая своих персонажей из безвозвратно погибшего дворянского сословия.

Эмигранты мечтали о возвращении к дореволюционной жизни, когда они были счастливы. Однако подобная ностальгия, ставшая политической платформой и философией «возврата во времени», привела не только к многочисленным жертвам послереволюционной смуты, но и к трагедии предательства во время Второй мировой войны. Желание вернуть «старое время» и было поводом для мести всему русскому народу – участь эмигрантов, не смирившихся со своим положением. Мечь привела бывших белогвардейцев на службу германским нацистам и породила, например, чудовищное явление – пятнадцатый кавалерийский (казачий) корпус СС, ставший одним из самых жестоких карательных воинских соединений фашистов.

Про представителей дореволюционной элиты российского общества можно сказать тоже, что говорили про французских Бурбонов во времена Реставрации: «Они ничего не забыли и ничему не научились» (Тимирязев 1938. 181). Попытки насилия над субъективным временем приводили к смутам во многих странах, а не только в России. Западание литераторы после И.В. Гете так же пытались анализировать попытки остановки субъективного времени, однако даже самые талантливые из них, кроме, пожалуй, Дж. Оруэлла, не были склонны к обобщениям и их апокалипсическая фантазия ограничивалась описанием злоключений отдельных ницшеанских личностей, заключивших сделку с «нечистой силой».

В борьбе с подобными искушениями немецкий ученый-чернокнижник доктор Фауст и британский аристократ Дориан Грей оказались значительно более слабыми, чем гоголевский персонаж ученик богословия (Бурсак), пьяница и греховодник Хома Брут. Представители современной западной элиты тратят огромные средства ради своих попыток остановить субъективное личное время, то есть остаться молодыми и здоровыми до глубокой старости. Это увлечение косметической медициной выглядит вполне безобидным чудачеством до тех пор, пока ностальгия ницшеанского «сверхчеловека», вспоминающего, например, про колониальное величие и про «бремя белых» не становится политической платформой и не обретает военную силу и поддержку власти, способную эту силу применить для «поддержки демократии», точнее для создания локального очага хаоса и безвременья в упорядоченных государственных структурах. Однако, как доказывает история и русская литература, подобные эксцессы, собрав кровавые жертвы, непременно заканчиваются и простые люди возрождают космос исторического времени.

Можно предположить, что народ противостоит хаосу, опираясь, подобно гоголевскому Хоме Бруту, на здравый смысл, традиционные религиозные чувства и, как следствие, презрительное отношение ко всем адептам негативных сил, в какие бы «демократические одежды» они не рядились. Действительно, традиционные религиозно-нравственные чувства зачастую являются единственной и самой сильной преградой для сил разрушения. Пусть простые люди не могут сформулировать и выразить в философских трактах свои ощущения, но именно пониманию и описанию народных чувств посвящались лучшие произведения русских писателей, несмотря на то, что творческий метод в данном случае мог быть различным.

А.П. Платонов и Е.И. Замятин в своих антиутопиях рассматривали хаос и космос человечества отстраненно, как бы издалека. М.М. Пришвин погружался в бытие простых людей и создавал социологические очерки современного ему общества, отражая в дневниках и художественных

произведениях реальные события и характер народа, ввергнутого в состояние хаоса, стремящегося вырваться из тисков безвременья и обрести историю, т.е. надежду на будущее.

Заключение

Е.И. Замятин, и А.П. Платонов неопровержимо доказали, что у хаоса тоже может быть поэзия, если это состояние материи рассматривать не как крах Вселенной, а как «родовую горячку» новой цивилизации из новеллы «Наводнения» (1929). Паровой котел, даже и не совершающий полезной работы, может стать объектом поэтизации только в одном случае: если люди возле него греются. Это тепло, которое распространяют «бестолковые» герои Платонова и «жертвенные» люди Замятина – высокий и пронзительный накал человеческой жалости, который окружает читателя плотным ореолом. Конечно, это не единственное чувство, испытываемое при чтении их книг, но чувство доминантное, подчиняющее сознание людей помимо их воли. «Видимые миру слезы» – результат и смысл поэзии хаоса, поэзия же космоса, как ни странно это выглядит, не столь чиста и проникновенна, поскольку победа новой жизни парадоксально вмещает страх смерти, страх утраты обретенного равновесия. Именно в эмоциональной области, в поэзии лежат исторические открытия Платонова и Замятина, обладающих сверхчувствительностью художников, которая позволяет преодолеть инерцию предрассудков погибшей цивилизации и увидеть грядущее в кровавом побоище, происходящем вокруг. Само отношение персонажей к смерти есть главный признак – маркер, по которому можно определить преобразование хаоса в космос. В состоянии вневременья смерти как бы нет, есть смена состояния материи или аннигиляция. Для героев ранних произведений Платонова бессмысленно, например, понятие ранней (безвременной!) смерти ребенка. Оппозиция «раньше» – «позже» в энтропийном процессе отсутствует.

Мир в описании Замятина не несет столь яркого маркера, поэтому он походит на иной, не менее древний космогонический миф, только индуистский, о

ведической триаде, где «главный бог» – Брахма – спит, и во время его сна Вселенная «портится». Брахма просыпается, уничтожает прежний мир и на его месте создает новый. Конечно, замятинская космогония напоминает индуистскую тройственность лишь отчасти, например, у него Вишну и Шива – создатель и разрушитель – через двенадцать веков меняются местами.

Поскольку мы рассматриваем проблему глобальной космогонии революционной России, нельзя не упомянуть в ряду писателей, отдавших дань историософскому анализу современности, М.М. Пришвина, который предложил собственную, линейно-циклическую модель времени. При гипотетическом наложении линейно-циклического (мерцающего) ритма на материю возникает аналогия еще с одним, древним и очень экзотическим философским учением – "дао", где Вселенная то сжимается в точку, то расширяется до бесконечности, а время следует по пути дао, подобно колеснице.

Из всего этого разнообразия вопросов космогонии можно сделать вывод о том, что художественное осмысление бытия у писателей отражает не только традиции древних мифов, но и состояние современной науки, поскольку как раз в это же время, в двадцатых годах, русский ученый А.А. Фридман и американец Э.Хаббл математически и экспериментально доказали постулат о расширяющейся Вселенной в теории «большого взрыва». Древние знания поразительно совпали с современными открытиями реликтового излучения и красного смещения, но в социальных системах до сих пор считаются основными теории линейного прогресса или линейного регресса со всеми частными модификациями, вроде восходящей спирали или теории «вызова и ответа». Однако три писателя – Замятин, Платонов, Пришвин и философ Леонтьев – предложили рассматривать развитие Вселенной и социума по единым законам и построили модели этого постулата в виде художественных образов, утвердили в форме публицистических эссе, философских работ и дневниковых записей. Модели эти философски и художественно очень убедительны, порукой тому несомненный талант и связанная с ним поразительная сверхчувствительность творцов, позволившая им мысленно

проникнуть в сокровенные глубины бытия человека, социума и даже Вселенной. Все они едины в понимании глубоко языческих основ революции, которая стала расплатой за русское «двоеверие», языческой реакцией, рождением нового Хроноса в христианской стране, цивилизационным сломом, последовавшим за энтропийным процессом в России, случился меньше века назад – исторически ничтожный отрезок времени, этому большинство людей, из-за аберрации близости, не могут оценить сил направленность изменений общества после социального «большого взрыва». Видны только частности, а для глобального анализа общества так не хватает новых Платонова, Замятина, Пришвина. Возможно, нам следу пойти по более простому пути, экстраполировав их историософию на время начала третьего тысячелетия. И этот путь, освещенный гением их творчества, будет достойным и плодотворным.

Литература

- Гете И.В. (1987). *Фауст*. М., Изд-во «Художественная литература», 519 с.
- Желтова Н.Ю. (1999). *Проза Е.И. Замятина: поэтика русского национального характера*. Тамбов, Изд-во «ТГУ им. Г.Р. Державина», 374 с.
- Зазубрин В.М. (2006). *Два мира: Красные и белые*. М., Изд-во «Астрель», 458 с.
- Кораблев А. А. (1988). *Время и вечность в пьесах М.А. Булгакова // Михаил Булгаков-драматург и художественная культура его времени*. М., Изд-во «Союз театральных деятелей РСФСР», С. 39-56
- Кропоткин П.А. (1990). *Хлеб и воля. Современная наука и анархия*. М., Изд-во «Слово», 518 с.
- Маркс К. (1974). *Сочинения в 42 т. Т. 1*. М., Изд-во «Правда», 276 с.
- Полибий (1988). *Избранное*. М., Изд-во «Юридическая литература», 1988. 486 с.
- Пришвин М.М. (1990). *Дневник 1932 г., 7 января // Октябрь. № 1*. С. 156-178.
- Тимирязев К.А. (1938). *Сочинения в 5 т. Т. 2*. М., Изд-во «Сельхозгиз», 235 с.
- Толстой Л.Н. (1992). *Царство Божие внутри нас. Не убий // Избранные философские произведения*. М., Изд-во «Правда», 416 с.
- Шестерина А.М. (1999). *Художник в режиме обстоятельств: процесс трансформации системы героев А.П. Платонова и литературные журналы 1930-х годов*. Тамбов, Изд-во «ТГУ им. Р.Г. Державина», 341 с.

Bibliography

- Gete I.V. (1987). *Faust*. M., Izd-vo «Khudozhestvennaya literature», 519 p.
- Zheltova N.Yu. (1999). *Proza E.I. Zamyatina: poetika russkogo natsional'nogo kharaktera*. Tambov, Izd-vo «TGU imeni G.R. Derzhavina», 374 p.
- Zazubrin V.M. (2006). *Dva mira: Krasnye i belye*. M., Izd-vo «Astrel'», 458 p.
- Korablev A.A. (1988). *Vremya i vechnost' v p'yesakh M. A. Bulgakova // Mikhail Bulgakov-dramaturg i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni*. – M., Izd-vo «Soyuz teatral'nykh deyatel'ey RSFSR», P. 39-56
- Kropotkin P.A. (1990). *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya*. M., Izd-vo «Slovo», 518 p.
- Marks K. (1974). *Sochineniya v 42 t. T. 1*. M., Izd-vo «Pravda», 276 p.
- Polibiy (1988). *Izbrannoe*. M., Izd-vo «Yuridicheskaya literatura», 486 p.
- Prishvin M.M. (1990). *Dnevnik 1932 g., 7 yanvarya // Oktyabr' № 1*. P. 156-157.
- Timiryazev K.A. (1938). *Sochineniya v 5 t. T. 2*. M., Izd-vo «Selhozgiz», 235 p.
- Tolstoy L.N. (1992). *Tsarstvo Bozhie vnutri nas. Ne ubiy // Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. M., Izd-vo «Pravda», 416 p.
- Shesterina A.M. (1999). *Khudozhnik v rezhime obstoyatel'stv: protsess transformatsii sistemy geroev A.P. Platonova i literaturnye zhurnaly 1930-kh godov*. Tambov, Izd-vo «TGU imeni G.R. Derzhavina», 341 p.

А.С. Хомяков и Н.П. Гиляров-Платонов (К истории знакомства и творческих взаимоотношений)

Андрей Дмитриев*

Старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии Наук.
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: июнь 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

Поэт, историк и богослов Алексей Степанович Хомяков, ставший идеологом славянофильства, и его младший товарищ, религиозно-общественный деятель, философ и публицист Никита Петрович Гиляров-Платонов познакомились около 1853 г. и в продолжение семи лет находились в приятельских отношениях и плодотворном для развития их мировоззренческих установок общении. Обстоятельства их сближения и творческих контактов выясняются по архивным источникам (мемуарным и эпистолярным), впервые вводимым в научный оборот. Хомяков и Гиляров-Платонов были деятельными авторами журнала «Русская беседа», свои публикации они предварительно обсуждали друг с другом. После смерти Хомякова Гиляров-Платонов переводил с французского языка его богословские сочинения и в ряде мемуарных очерков и писем поведал о вопросах (богословских, исторических, литературных), в которых они были единодушны, а также о возникавших между ними моментах несогласия.

Ключевые слова: А.С. Хомяков, Н.П. Гиляров-Платонов, славянофильство, религиозная философия, биография, мемуары.

---

* E-mail: apdspb@gmail.com

Введение

Личные и творческие взаимоотношения с современниками основоположника славянофильского учения, поэта, критика, историка и религиозного мыслителя Алексея Степановича Хомякова (1804—1860) — тема малоизученная. При этом ее исследование, безусловно, актуально ввиду той роли, которую Хомяков играл в русской культуре как один из создателей национально ориентированной идеологии и поэтического стиля, который отличается высокой ораторской патетикой, утверждающей возвышенные идеалы. Особый интерес представляет изучение его литературных и научных контактов с младшим единомышленником, публицистом, богословом, литературным критиком и мемуаристом Никитой Петровичем Гиляровым-Платоновым (1824—1887). Их личное общение продолжалось в течение семи последних лет жизни Хомякова и оказалось весьма плодотворным. Вскоре после кончины Гилярова-Платонова этой теме посвящались статьи их идейных последователей: князя Николая Владимировича Шаховского (Н.П. Гиляров-Платонов и А.С. Хомяков. (По сочинениям и письмам Гилярова) // Русское обозрение. 1895. № 11. С. 14—32) и Ивана Федоровича Романова-Рцы (Гиляров и Хомяков. Одна характеристическая особенность их творчества, в значительной степени затрудняющая изучение трудов названных писателей // Русское дело. 1888. № 44. С. 3—5). Они опирались главным образом на имевшуюся в их распоряжении переписку Гилярова-Платонова, а также его статьи и мемуары 1870—1880-х гг., где он высказывается о Хомякове как о своем оппоненте в спорах и вместе с тем единомышленнике во многих религиозных, исторических и литературных вопросах. Документов 1850-х гг., которые могли бы свидетельствовать о взаимоотношениях Хомякова и Гилярова-Платонова, не сохранилось. Выявленные в архивах новые материалы позволяют уточнить и существенно расширить сложившиеся научные представления об изучаемой проблеме.

Основная часть

Видный в 1850—1880-х гг. публицист и религиозно-общественный

деятель Н.П. Гиляров-Платонов входил в тесный славянофильский кружок в 1850-х — начале 1860-х гг. и впоследствии считался одним из наиболее авторитетных исповедников того творческого, живого консерватизма, которым характеризовалось мировоззрение так называемых «старших славянофилов» — прежде всего отца и сына Аксаковых (Сергея Тимофеевича и Константина Сергеевича), братьев Ивана и Петра Васильевичей Киреевских, А.С. Хомякова.

Вместе с тем в кругу славянофилов Гиляров-Платонов всегда оставался своего рода «белой вороной». Подытоживая жизненный путь в откровенных письмах к своему ученику, тогда начинающему публицисту И.Ф. Романову-Рцы, он писал (2 ноября 1886 г.): «Но славянофильские мнения мне родственны, а совсем не тождественны; скажу Вам по секрету: точка отправления славянофилов узка» (Гиляров-Платонов 2007. 247, 248). И днем позже: «Говоря “славянская держава”, как бы предполагают нечто высшее и во всяком случае более обширное и общее, нежели Русская держава; как будто Русь (народ) и Россия (государство) суть часть какого-то более обширного и более высокого целого. Ведь это вздор <...>: Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежат мировое значение и мировое будущее, не славянам, хотя они и порываются кичиться чем-то» (Гиляров-Платонов 2007. 257). То есть, по сути, самым ценным и насущным в историософских и социально-политических построениях славянофилов Гиляров-Платонов считал не славяно-, а русофильство.

Играло немаловажную роль и его социальное положение. В отличие от большинства славянофилов, отпрысков довольно родовитых дворянских семейств, Гиляров-Платонов был выходцем из священнической среды, причем провинциальной, из подмосковного города Коломны. Оставшись в 1848 г., после окончания Московской духовной академии, в ней преподавать (на должности бакалавра), он по-новому строил читаемые им курсы, любил импровизировать на кафедре, будя мысль студентов творческим подходом к анализу как наследия церковных писателей, так и острых проблем русской

общественно-религиозной жизни. Когда, наконец, иссякло терпение у академического начальства и его в 1855 г. уволили, он порвал с духовным сословием и избрал поприще чиновника и литератора-разночинца.

Быстрое сближение Гилярова-Платонова со славянофильским кружком произошло прежде всего благодаря свежести мысли молодого бакалавра при внутренней глубине его познаний. Его авторитет как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Гиляров-Платонов позже, в 1886 г., вспоминал: «<Иван> Аксаков меня ценил, ставил меня очень высоко; во многих случаях я был для него авторитетом. Мало того: покойный Ю.Ф. Самарин склонялся предо мной (по моему мнению, даже сверх заслуженного); для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие» (письмо к Шаховскому от 2 февраля – Гиляров-Платонов. 2009а. 488—489). И еще: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения...» (письмо к Романову-Рцы от 3 ноября – Гиляров-Платонов 2007. 256).

Для славянофилов он оказался совершенно необходимым деятелем, обеспечивавшим реальную связь, с одной стороны, с малознакомым для них миром духовного сословия и, с другой — с областью научно-богословского знания. Поначалу именно его предполагалось поставить редактором замышлявшегося журнала «Русская беседа» (1856—1860). Он оказался востребованным автором ряда программных статей в этом издании по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии; а кроме того, получив в мае 1856 г. место цензора, ограждал любимое детище славянофилов от репрессивных мер.

При этом многие убеждения изгнанного из Духовной академии свободомыслящего преподавателя вполне отвечали принципиальным мировоззренческим установкам его новых друзей. Приведем несколько неопубликованных отзывов, зафиксированных биографом Гилярова-Платонова, князем Н.В. Шаховским, который в 1893 г. сумел пообщаться с его

знакомыми и родственниками (он предполагал опубликовать сборник писем Гилярова-Платонова и мемуарных свидетельств о нем). Младший брат религиозного философа и публициста Юрия Самарина Дмитрий Федорович вспоминал: «Славянофил<ов> поразило сходство в убеждениях молодого бакалавра, который совершенно особым, своим путем дошел до поразительного сходства даже в выражен<иях> и некоторы<х> убежден<иях> с ихними. После переезда в Москву были постоянно свидания и обмен мыслей» (Шаховской 1893. 56).

Со слов историка и журналиста Петра Ивановича Бартенева Шаховской записал: «Со славянофилами Аксаковыми, Погодиным и Хомяковым, а равно и гр. Блудовым, Гилярова познакомил П.И. Бартенев» (Шаховской 1893. 44 об.).

Важно и свидетельство вдовы Гилярова-Платонова: «С Хомяковым Н<икита> П<етрович> тоже познакомился в бытность его профессором в Моск<овской> духов<ной> академии у Троицы; бывало, идет, расск<азывает> Вера Алексеевна, небольшого роста человек в тулупчике, кушаком подпоясанный, в крест<ьянской> шапке. — Увидит его Гиляров: “Ах, да это Алек<сей> Ст<епанович>” — и сейчас бежит опередить его, встречает. Приедут <...> и часы целые сидят разговаривают» (Шаховской 1893. 47б .).

Видимо, наиболее интенсивно общение Хомякова и Гилярова-Платонова и происходило в Сергиевом Посаде до переезда семьи последнего в Москву в конце ноября 1855 г. Оба заядлые спорщики и энциклопедически образованные люди, они здесь оставались один на один друг с другом и получали полную свободу для удовлетворения потребности страстных своих натур в выяснении истины — прежде всего в обсуждении сложных религиозно-философских проблем.

Первоначальному сближению как раз и способствовало сходство преимущественных философских и богословских интересов Хомякова и Гилярова-Платонова.

Известно, что оба они, можно сказать, досконально изучили «Науку

логики» Гегеля, оба дали глубокую критику гегелевского рационализма и у них не оказалось в этом никаких существенных разногласий. Печатно они высказались о Гегеле в «Русской беседе», причем Хомяков двумя годами ранее Гилярова-Платонова — в статье, опубликованной в первой книжке за 1857 год: «По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского», а затем в первой книжке за 1859 г. — в статье, написанной в форме открытого письма к Ю.Ф. Самарину «О современных явлениях в области философии». Гиляров-Платонов в третьей книжке за тот же 1859 год поместил обстоятельный очерк «Рационалистическое движение философии новых времен». Правда, он представлял собой часть его полукурсовой философской диссертации «Об онтологии Гегеля размышление», написанной 14-ю годами ранее, в 1846 г. (за нее Гиляров получил почетную прибавку к своей фамилии — «Платонов»).

Гиляров-Платонов проделал беспримерную для своего времени работу (фактически он был и первым переводчиком на русский «Науки логики» и «Феноменологии духа») и по праву может считаться одним из первых гегелеведов в России. Гиляров-Платонов вскрыл ущербную односторонность гегелевского панлогизма, служившего орудием для «скрытого отрицания» самой категории бытия, и показал внеположность всей этой философской системы к христианской онтологии и этике. Система Гегеля, по его определению, «есть освящение всякого насилия теории над жизнью, фаталистически-бездушный оптимизм по отношению к каждому ничтожному факту, соединенный с полнейшим нравственным безразличием» (Гиляров-Платонов 1899. 362). Тот же философский подход последовательно применялся Гиляровым-Платоновым и к оценке литературных явлений и событий общественной жизни.

Сходные формулировки находим и у Хомякова: «*Сущее* должно быть совершенно отстранено. Само понятие, в своей полнейшей отвлеченности, должно было все возродить из собственных недр. Рационализм или логическая рассудочность должна была найти себе конечный венец и Божественное освящение в новом создании целого мира» (Хомяков 1900. 267). «Корень же

общей ошибки Гегеля лежал в ошибке всей школы, принявшей рассудок за целостность духа. Вся школа не заметила, что, принимая понятие за единственную основу всего мышления, разрушает мир: ибо понятие обращает всякую ему подлежащую действительность в чистую, отвлеченную возможность» (Хомяков 1900. 299).

Это поразительное сходство в оценке системы Гегеля, с осуждением ее «полнейшего нравственного безразличия», было проявлением и кардинального родства основных воззрений Хомякова и Гилярова-Платонова. Перу последнего принадлежит наиболее яркая поминальная речь о Хомякове («О судьбе убеждений»), в которой, формулируя суть его взглядов, Гиляров-Платонов, безусловно, декларировал и свои убеждения: «Если б спросили меня, как вкратце выразить воззрения Хомякова, я бы отвечал одним словом: любовь. Любовь — это, действительно, первое и последнее слово, к которому сводились все его убеждения. В любви Хомяков признавал не только высшее начало деятельности в практическом смысле, но и высшее начало знания, единственное твердое обеспечение истины».

Известно, что присущие им энциклопедизм и универсализм воплощались, так сказать, в творческой экспансии на многие сферы жизни. Если перечислить основные занятия, которым предавался в продолжение своей жизни Хомяков (социология, богословие, публицистика, философия, историософия, политэкономия, гомеопатия, лингвистика, литературная критика), то придется признать, что во всех этих областях знания несомненны достижения и Гилярова-Платонова. Даже в сферах сельскохозяйственного производства и технического изобретательства они оба достигли заметных результатов. Хомяков увлеченно занимался винокурением и сахароварением, получил патент на изобретенную им паровую машину, разработал дальнобойное ружье. Успехи Гилярова-Платонова были не столь впечатляющи, но и после его кончины на рынках Москвы долго продавался выведенный им сорт «Гиляровской клубники», вполне профессионально он занимался пчеловодством. А управляя писчебумажной фабрикой, проводил в

лаборатории химические опыты с еловыми иголками ради производства дешевой бумаги, с местной железистой водой; активно интересовался торфоразработками.

Единственными сферами, недоступными Гилярову-Платонову, остались живопись (Хомяков был неплохим портретистом и иконописцем) и поэзия: Гиляров-Платонов признавался в книге «Из пережитого»: «...к стихам я вкуса не имел и не имел терпения их читать. Признаюсь в своем недостатке: стихотворная форма до сих пор не находит отзвука в моей душе; хотя я не лишен способности ценить стих, но ценю его внешним образом» (Гиляров-Платонов 2009. 122). Вместе с тем нельзя отрицать, что в своей мемуарной прозе, а отчасти и в публицистике Гиляров-Платонов выступает как художник слова.

Причем из-за этого универсализма, нежелания сосредоточиться на одном деле жизни и Хомякову, и Гилярову-Платонову был присущ элемент дилетантизма, их многие проекты и замыслы реализовывались лишь отчасти. Ю.Ф. Самарин осудил поминальную речь М.П. Погодина, который нетактично упомянул об этом недостатке Хомякова. 13 декабря 1860 г. Самарин сообщал Гилярову-Платонову (это письмо пока не опубликовано): «Мы все знаем, а особенно враги покойника, — что он рассыпался во все стороны и брался за всё. Об этом нечего толковать; а напротив, для тысяч, кто не близко знал его или не хотел понимать его, нужно воссоздать его духовный образ в его цельности и единстве. Погодин это-то и упустил из виду» (Самарин 1860. 7). Еще более эта особенность, или «контрапунктный строй личности» (выражение В.А. Викторovichа), была свойственна Гилярову-Платонову.

Наиболее же существенные разногласия между ним и Хомяковым затрагивали область богословия и в полной мере выявились при подготовке к изданию 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова в 1860-х гг.

И это при том, что в середине 1850-х гг. они удивлялись своему «умственному родству». Гиляров-Платонов писал в мемуарах: «И я, и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством

некоторых наших воззрений и отыскивали причину. Привожу два особенно поразительные примера. Когда вышла первая из богословских брошюр Хомякова (по поводу Тютчева и аббата Лоранси), я прочел в ней сравнение индульгенций с банковыми чеками. Это было мое сравнение, которое я передавал слушателям на лекциях. На целых двух страницах ход мыслей и почти выражения были у нас тождественны» (Гиляров-Платонов 2009. 206). Упомянутая работа «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси» была опубликована Хомяковым в Париже в 1853 г. на французском языке. Поводом к ее написанию послужило сочинение видного католического публициста П.С. Лоранси «Папство, ответ г. Тютчеву, советника Е<го> В<еличества> императора России» (1852), полемизировавшего со статьей Ф.И. Тютчева «Папство и Римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга» (1849). Упомянутое Гиляровым-Платоновым сравнение содержится и в этой, и в более развернутом виде — во второй брошюре Хомякова: «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа», опубликованной в 1855 г. в Лейпциге также на французском языке. Ее перевод, выполненный Гиляровым-Платоновым, увидел свет в январской и февральской книжках журнала «Православное обозрение» за 1864 год (см. эти места: Хомяков 1900а. 53, 117, 122, 123, 126).

Гиляров-Платонов продолжал: «В другой раз, беседуя с Алексеем Степановичем, я сказал, что евангелист, если бы теперь жил, употребил бы не *Логос*, а, пожалуй бы, *субъект-объект*, говоря о Второй Ипостаси Божества. Хомяков рассмеялся и сказал: именно это самое я пишу теперь и на это выражение *субъект-объект* указываю (в одной из следующих брошюр)» (Гиляров-Платонов 2009. 206). Речь идет о сочинении «Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры», опубликованном Хомяковым в 1858 г. отдельной брошюрой в Лейпциге также на французском

языке. Перевод, выполненный Гиляровым-Платоновым, был впервые опубликован в составе 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова (Прага, 1867). Однако здесь в триадологических рассуждениях Хомякова применительно к Богу-Слову употребляется лишь термин «Объект» (см.: Хомяков 1900а. 238—239, 241—242). Об «объект-субъективации» мыслитель говорит по отношению к третьей Божественной ипостаси — Святому Духу — в написанной на латыни заметке о Св. Троице (Хомяков 1900а. 513). Хомяков указывает и источник терминологии — «философские системы, подобные нынешним, германским» (Хомяков 1900а. 238).

В письме к И.Ф. Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г. Гиляров также упоминает этот эпизод: «Я говорил на лекциях: Христа назвали Логос, а теперь совершенно правильно назвали бы его Субъект-Объект. Прихожу к Хомякову, между прочим говорю это. А он мне в ответ: вообразите, это самое я говорю в брошюре, которую пишу» (Гиляров-Платонов 2007. 302). Кроме того, в рецензии на богословские сочинения Хомякова, опубликованной в издававшейся Гиляровым-Платоновым газете «Современные известия» от 11 сентября 1880 г., он отмечал: «В предисловии читается, что трудившимся в переводе Хомякова был Н.П. Гиляров-Платонов. Следы своего косвенного участия усматриваем до некоторой степени даже в содержании; определение, которое дает Хомяков некоторым из таинств, и заметка об условном значении термина “Логос” напоминают нам о наших изустных беседах и прениях. Затем — оценка, которую дает Хомяков католичеству и протестантству (в первых своих брошюрах) сошлась с собственною нашею, которая, независимо от того, раскрывалась на лекциях в Духовной академии, до поразительного, до буквального тождества примеров и сравнений» (Гиляров-Платонов 1906. 212).

Отметим, что подобный модернизм в богословской терминологии оскорблял некоторых их единомышленников. В связи с этим, например, археограф Н.П. Барсуков, по свидетельству Шаховского, «считает его <Гилярова-Платонова> человеком неверующим, да и в Хомякове он не видит крепкой веры. — О Св. Троице, которой он поклоняется с верою, они

толковали ежедневно, жонглируя логическими тонкостями мысли “Субъект-Объект” 2-е лице Св. Троицы» (Гиляров-Платонов 1893. 27 об.).

Так вот Гиляров-Платонов, приступая к переводу богословских брошюр Хомякова, столкнулся с тем, что терминология, хотя и была свободна от схоластической закваски, свойственной русскому богословию того времени, однако мало учитывала традицию издания на русском языке сочинений византийских церковных писателей. Гиляров-Платонов писал Ю.Ф. Самарину 13 ноября 1866 г.: «Терминология Хомякова и, кажется, Киреевского <...> по моему мнению, — неправильная. Они называли *разумом* противоположность вещественному; человек, поелику он невещественное, есть разум. Это неверное означение, и притом означение путающее. Противоположность веществу есть дух...» (Гиляров-Платонов 1900. 65). Объяснялось это тем, что Хомяков исходил из закономерностей французского языка: «...ему представлялось прежде всего все-таки l'intelligence, удивительно убогое слово этого убогого на высшие понятия языка», а также «мешала правильному словоупотреблению гегелевщина. Der Geist, хоть и есть собственно дух, у Гегеля превратился в нечто собирательное <...> например, *дух писателя* или *дух времени*» (Гиляров-Платонов 1900. 65). Удачным заимствованием из церковных сочинений могло бы стать «умный» в значении «духовный»: «...слова *умный*, в смысле отеческом, не только не следует избегать, но необходимо вводить его понемногу из литературы чисто церковной в обыкновенную, житейскую» (Гиляров-Платонов 1900. 65—66). Гиляров-Платонов продолжал свои новаторские экскурсы в лингвистику: «Выражение “вера *осмысленная*”, по моему разумению, неправильно. Осмысленным должно быть названо то, чему дается смысл отвне, со стороны <...>. Но вера непременно смыслящая (в действительном залоге), коль скоро с нею соединяется *собственное ее* разумение. В страдательном залоге можно употребить в этом смысле слово *просветленная*» (Гиляров-Платонов 1900. 66).

О других своих несогласиях с Хомяковым Гиляров-Платонов упоминал в письмах к ученикам Романову-Рцы и Шаховскому. Интересно такое

воспоминание в письме к первому из них от 12 ноября 1886 г.: «Сам Хомяков сказал раз, когда по обыкновению своему спорил я с ним: “А знаете ли, гг., из всех нас Н<икита> П<етрович> всех одномысленнее со мною, и ни с кем между нами не бывает столь постоянных и столь частых споров”. Он выразился даже как-то сильнее о тождестве наших взглядов. Они действительно тождественны, но и различны» (Гиляров-Платонов 2007. 271). Важны и другие признания Гилярова-Платонова Романову-Рцы: «А мне, главное, хочется поставить Вас на точку, откуда идет мое разногласие с Хомяковым при согласии с ним. Я назвал его *односторонним*; точнее будет выразиться, что он *неполон*» (письмо от 23 ноября 1886 г. –Гиляров-Платонов 2007. 305); «Вы обращались ко мне, в надежде видеть комментатора Хомякова. Но я от Хомякова совершенно независим и потому взаимные объяснения наши будут только взаимными недоразумениями» (письмо от 11 января 1887 г. – Гиляров-Платонов 2007. 325).

Сближало его с Хомяковым свободное отношение к церковным обрядам. В феврале 1886 г. он писал князю Шаховскому: «Хомяков, благоговейнейший хранитель всей обрядности, сводил исполнение церковных уставов к требованию любви, придавал им условную нравственную обязательность, чтобы “не оскорбить братьев по вере”» (Гиляров-Платонов 1886. 15—15 об.). Но Гиляров-Платонов считал неприемлемой известную идеализацию Хомяковым «исторического православия». 23 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Истина Божественная <...> воплощаясь в народах и отдельных лицах, принимает разные формы, не переставая быть тою же. <...> Христианство, известным образом понятое и усвоенное, и составляет один из элементов русской народности. В связи с этими, физиологически духовными, как я сказал, или, точнее, этнопсихическими задатками, вера с народностью составляет целое, нераздельное. Без так называемого Православия исчезает русская народность как таковая; но и Православие в таком виде, как усвоено русским народом, есть не то, что было и есть у греков etc.» (Гиляров-Платонов 2007. 302).

Именно поэтому Гиляров-Платонов не мог принять идей Хомякова о механическом заимствовании верований народами. 12 ноября 1886 г. он писал: «Дойдя *своим умом* до признания основного фактора в истории в известном антитезе *свободы* и *необходимости*, определяя совершенно или почти тождественно *дух* и *материю*, я восставал (и восстаю) против механичества преемства верований, которое проводил Хомяков в “Семирамиде” (“Записках о всеобщей истории”). Это *существеннейшее* разногласие; о некоторых частных я уже писал Вам. Поэтому на вопрос: “Неужели и Хомяков узок?” — я отвечу: и *да*, и *нет*. Правильнее будет ответить, что нахожу некоторую односторонность» (Гиляров-Платонов 2007. 271). Спустя десять дней, 23 ноября 1886 г., Гиляров-Платонов по просьбе Романова-Рцы возвратился к этой теме: «Механическое заимствование что такое? Вы спрашиваете. Хомяков радовался, находя у какого-нибудь народа верования, схожие с верованием другого, древнего, и начинались догадки о переселении и тому подобное. Я этому переносу духовных поверий придаю третьестепенное значение. Воплощения Вишны списаны с Христа или наоборот? По-моему, ни то, ни другое. Так и во всем. Народ как духовная личность всякий способен к творчеству; силы у всех одни и те же, хотя материал разный. Однородность обстановки создает однородный материал, а отсюда может создаться и однородное верование» (Гиляров-Платонов 2007. 303). Нельзя не признать, что, творчески развивая религиозно-историческое учение Хомякова, Гиляров-Платонов оказывался подчас прозорливее и глубокомысленнее своего старшего товарища...

Романов-Рцы в одной из мемуарных статей («Как я нашел Никиту Петровича», 1898) сравнил своих учителей Хомякова и Гилярова-Платонова. Приведем в заключение это его сопоставление: «Хомяков был все-таки поэт, и не в стихах, а именно в своей чарующей прозе, Гиляров, наоборот, — прозаик. Инстинкт реального, чувство действительности было глубоко присуще последнему. Этим он был выше Хомякова и ниже, сильнее и слабее его. Хомяков манил, возвышал, увлекал. Трезвый прозаик, Гиляров не мог улететь

в заоблачные пространства, но зато его идеал, хотя и тождественный с хомяковским, действовал отчасти расхолаживающим образом» (Гиляров-Платонов 2007. 360).

Заключение

Творческие и дружеские взаимоотношения русских писателей-славянофилов и религиозных мыслителей А.С. Хомякова и Н.П. Гилярова-Платонова, продолжавшиеся с 1853 по 1860 год, оказались довольно плодотворны для обоих. Это общение содействовало развитию и уточнению их взглядов по широкому кругу проблем от отношения к системе Гегеля и «историческому православию» до выработки адекватной богословской терминологии, учитывающей как новейшие достижения немецкой философии, так и традицию переводов на русский язык сочинений византийских церковных писателей. Сближению писателей способствовало их психологическое сходство: обоим были присущи энциклопедизм и универсализм, выражавшиеся в творческой экспансии на многие сферы жизни, прежде всего на социологию, богословие, публицистику, философию, историософию, политэкономия, лингвистику, литературную критику, гомеопатию. Причем их достижения оставили заметный след в русской науке и литературе.

Литература

- Самарин Ю.Ф. (1860). *Письма к Н.П. Гилярову-Платонову* // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.). Ф. 847. № 686. 18 л.
- Гиляров Платонов Н.П. (1886). *Письма к Н.В. Шаховскому* // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.). Ф. 847. № 505. 15 л.
- Шаховской Н.В. (1893). *Матерьялы для биографии Н.П. Гилярова-Платонова* // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.). Ф. 847. № 49 58 л.
- Гиляров Платонов Н.П. (1899). *Сборник сочинений: В 2 т.* М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 1. LX, 479 с.

- Гиляров Платонов Н.П. (1900). *Сборник сочинений: В 2 т.* М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 2. 526 с.
- Хомяков А.С. (1900). *Сочинения: В 8 т.* М., Университетская типография. Т. 1. 408 с.
- Хомяков А.С. (1900а). *Сочинения: В 8 т.* М., Университетская типография. Т. 2. 524 с.
- Гиляров Платонов Н.П. (1906). *Вопросы веры и церкви: Сборник статей: В 2 т.* / Под редакцией князя Н.В. Шаховского. М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 2. 616 с.
- Гиляров Платонов Н.П. (2007). *Письма к И.Ф. Романову-Рцы* / Вступительная статья, подготовка текста и комментарий А.П. Дмитриева // Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова: Сборник статей и материалов. Коломна, Коломенский государственный педагогический институт. С. 209-364.
- Гиляров Платонов Н.П. (2009). *Из пережитого. Автобиографические воспоминания: В 2 т.* / Издание подготовили А.П. Дмитриев, И.Г. Птушкина, Л.В. Дмитриева. СПб., Изд-во «Наука». Т. 1. 616 с.
- Гиляров Платонов Н.П. (2009а). *Из пережитого. Автобиографические воспоминания: В 2 т.* / Издание подготовили А.П. Дмитриев, И.Г. Птушкина, Л.В. Дмитриева. СПб., Изд-во «Наука». Т. 2. 718 с.

Bibliography

- Samarin J.F. (1860). *Pis'ma k N.P. Ghilarovu-Platonovu* // Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki (SPb.). F. 847. № 686. 18 l.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1886). *Pis'ma k N.V. Shakhovskomu* // Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki (SPb.). F. 847. № 505. 15 l.
- Shakhovskoj N.V. (1893). *Mater' jaly dlja biografii N.P. Ghilarova-Platonova* // Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki (SPb.). F. 847. № 49. 58 l.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1899). *Sbornik sochinenij: V 2 t.* М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 1. LX, 479 s.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1900). *Sbornik sochinenij: V 2 t.* М., Издание К. П. Победоносцева. Т. 1. 526 s.
- Khomjakov A.S. (1900). *Sochinenija: V 8 t.* М., Universitetskaja tipografija. Т. 1. 408 s.
- Khomjakov A.S. (1900а). *Sochinenija: V 8 t.* М., Universitetskaja tipografija. Т. 2. 524 s.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1906). *Voprosy verы i tserkvi: Sbornik statej: V 2 t.* / Pod redakciej knjazja N. V. Shakhovskogo. М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 2. 616 s.

Ghilarov-Platonov N.P. (2007). *Pis'ma k I. F. Romanovu-Rtsy / Vstupitel'naja stat'ja*, podgotovka teksta i kommentarij A.P. Dmitrieva // *Vozvrashchenie N.P. Ghilarova-Platonova: Sbornik statej i materialov*. Kolomna, Kolomenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut. S. 209—364.

Ghilarov-Platonov N.P. (2009). *Iz perezhitogo. Avtobiograficheskie vospominanija: V 2 t.* / Izdanie podgotovili A.P. Dmitriev, I.G. Ptushkina, L.V. Dmitrieva. SPb., Izd-vo "Nauka". T. 1. 616 s.

Ghilarov-Platonov N.P. (2009a). *Iz perezhitogo. Avtobiograficheskie vospominanija: V 2 t.* / Izdanie podgotovili A.P. Dmitriev, I.G. Ptushkina, L.V. Dmitrieva. SPb., Izd-vo "Nauka". T. 2. 718 s.

Прагматический подход к анализу произведения «Слово о полку Игореве»

Саиде Дастамуз*

Старший преподаватель университета «Аль-Захра».
Тегеран, Иран.

(дата получения: май 2015 г.; дата принятия: июль 2015 г.)

Краткое содержание

В данной статье предпринимается попытка осуществить прагматический анализ произведения «Слово о полку Игореве». Анализ выполняется по дословному переводу Д.С. Лихачева. Произведение рассматривается как дискурс и в рамках теории речевых актов Дж. Серля. Именно в этом заключается новизна и актуальность исследования. Выделяются речевые акты, употребляемые в данном произведении. Такой подход к анализу произведения дает возможность выделить коммуникативные блоки текста и определить интенции автора, который путем изменения коммуникативной стратегии оказывает воздействие на адресатов. Кроме того, определяются иллокутивные цели речи других персонажей произведения. Дается статистика разновидностей речевых актов данного произведения. Результаты исследования могут быть полезны при переводе данного произведения на другие языки и в учебных целях для иноязычной аудитории.

Ключевые слова: древнерусская литература, речевой акт, иллокутивная функция, дискурс, русский язык.

---

* E-mail: s.dastamooz@alzahra.ac.ir

Работа выполнена при финансовой поддержке исследовательского центра университета «Аль-Захра» в рамках научно-исследовательского проекта (Коммуникативно-прагматический анализ произведения древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»).

Введение

«Слово о полку Игореве» – один из самых блестящих произведений древнерусской литературы. В данном произведении запечатлены черты древнерусского быта (Карими-Мотаххар 2007. 9). Автор данной работы неизвестен, но это обстоятельство никак не влияет на ценность произведения для русской литературы. Персонажи и мотивы этого прекрасного произведения веками вдохновляли русских художников и литераторов. О нем написано более сотен статей и книг. Но никто не исследовал этот памятник в рамках теории дискурса. Наша цель – прагматический анализ данного произведения. Прагматический подход к анализу произведения даст возможность рассмотреть его как сложное коммуникативное явление. Для достижения данной цели мы постараемся ответить на следующие вопросы: Какие коммуникативные блоки существуют в произведении? Какие речевые акты, употреблены в нем? Каковы интенции автора? Кто адресат? и т.д. Именно прагматический подход определяет актуальность данного исследования.

Основная часть

Термин «прагматика» (от греческого *pragma* – дело, действие), относится к разделу семиотики, противопоставленному синтаксису и семантике и исследующему отношение между знаками и их пользователями. Одним из важных аспектов прагматики является теория речевых актов, речевой акт понимается «как произнесение говорящим предложения в определенной ситуации с определенной целью» (Кобозева 2009. 258). По Дж. Остину (см. (Остин 1986), речевой акт представляет собой трехуровневое образование, включающее три типа актов: локутивный, иллокутивный и перлокутивный. Под локутивным актом понимается сам акт говорения. Локутивный акт сопровождается осуществлением иллокутивного акта, для которого характерны намеренность, целенаправленность, конвенциональность (Кронгауз 2005. 282). Иллокутивный акт осуществляется, когда человек высказывает утверждение или задает вопрос, отдает команду или докладывает,

поздравляет или предупреждает и т. д. (Серль 2010. 56). Важнейшим признаком иллокутивного акта является иллокутивная сила, или иллокутивная функция. Под перлокутивным актом понимается результат речевого акта и его воздействие на слушающих (Кронгауз 2005: 284). Такое воздействие называется также перлокутивным эффектом. Одной из важнейших задач теории речевых актов является выделение иллокутивных функций и их классификация (см, например, Остин 1986, Серль 1986а. 171-177 Серль, Вандервекен 1986. 242-263). Важной частью ТРА является учение о косвенном речевом акте. Косвенный РА реализуется тогда, когда предложение, содержащее показатели иллокутивной силы одного иллокутивного акта, произносится для осуществления иллокутивного акта другого типа (Серль 1986б. 195).

Далее мы кратко остановимся на содержании произведения древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» и проанализируем его в рамках описанной выше теории.

Несколько слов о произведении «Слово о полку Игореве»

В конце 1780-х граф А.И. Мусин-Пушкин, который собирал древнерусские рукописи, открыл произведение «Слово о полку Игореве». Исследователи древнерусской литературы полагают, что данное произведение было написано в 1185-1186 гг. в Киеве. В БЭС дается следующее пояснение: «Памятник древнерусской литературы конца 12-ого века. В основе сюжета – история неудачного похода на половцев князя Игоря Святославича в 1185; Частный эпизод русско-половецких войн претворен в событие общерусского масштаба, что придало монументальное звучание основной идеи – призыву к князьям прекратить усобицы и объединиться перед лицом внешнего врага...» (БЭС 2006. 1663).

Академик Д.С. Лихачев перевел «Слово...» на современный русский язык. Он считает, что автор «Слово...» – человек, участвующий в походе Игоря (Лихачев, 1984).

Произведение «Слово о полку Игореве» не принадлежит к определенному жанру, в нем смешаны признаки разных жанров. В основу произведения положены реальные исторические события. Оно посвящено не одной из побед, которых немало было на Руси, а неудачному походу на половцев северного князя Игоря Святославича (Сергеев 2006. 2). Это было нелегкое время для киевской Руси. Огромное государство, созданное великим князем Олегом, процветавшее во время правления Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, после его смерти стало распадаться на части, на многие княжества, что сопровождалось кровопролитными междоусобицами князей, желавших захватить наиболее богатые земли. В это время половцы приблизились к южным границам Руси. В 1180-х гг. князь Святослав Всеволодович, собрав русских князей и их дружины, сразился с половцами. Они были отброшены в степи. Но в 1185 г. князь Игорь, собравший небольшое войско, пошел в поход на половцев. Княжеская дружина была разбита, а сам князь взят в плен.

Литературоведческий анализ произведения «Слово о полку Игореве» не входит в задачи нашего исследования. А.С. Демин в книге «Литература московской и домосковской Руси» подробно анализирует данное произведение (Демин 2008. 55-70). Кроме того, во многих книгах, посвященных истории русской литературы, подробно написано об этом произведении (см. (Мирский 2006)).

Коммуникативно–прагматический анализ произведения

Произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» отличается своеобразной и уникальной структурой текста. Текст данного произведения обладает иллюстративным характером. Автор во всем тексте меняет своего адресата. Его адресат иногда имеет обобщенный характер, а иногда это отдельный человек. В начале произведения рассказчиком задается косвенный вопрос к общему адресату, называемому автором *братья*: *Пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? С точки зрения коммуникативной*

функции этот вопрос можно отнести к интродуктивным вопросам. Как отмечает Е.Б. Степанова, «интродуктивные вопросы, по представлениям говорящего, возникают к нему как к «рассказчику», развивающему определенную тему, и на которые он, как «рассказчик», должен ответить» (Степанова 1993. 136). Здесь же рассказчик начинает свой рассказ интродуктивным вопросом, а дальше сам побуждает себя начинать рассказ: *Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени...* Автор несколько раз обращается к своим общим адресатам путем ввода слова *братья*:

Боян же, братья, не десять соколов...

*Начнём же, братья, повесть эту ль старого Владимира до
нынешнего Игоря ...*

Это дает ощущение того, что рассказчик стоит перед адресатами и живо разговаривает с ними. Но в книге «Всеобщая история литературы» говорится о том, что «Слово о полку Игореве» – это чисто литературное произведение, написанное, а не распевавшееся (Терехова 2009. 392). Хотя с точки зрения автора данной книги величайшая оригинальность автора произведения заключается в том, что он применил к письменной литературе методы устной поэзии (там же 393). Все произведение насыщено прямой речью персонажей, обращениями рассказчика к разным персонажам, якобы существующим перед обобщенным адресатом, и мини-диалогами. Как будто перед обобщенным адресатом разыгрывается некий спектакль, в котором рассказчик играет активную роль и управляет другими персонажами. Для пояснения этой мысли мы анализируем коммуникативное поведение персонажей и рассказчика и определяем речевые акты, употребляемые в нем:

- обращение рассказчика к обобщенному адресату;
- обращение Игоря к дружине;
- обращение Всеволода к своему брату Игорю;
- обращение рассказчика к Бояну, древнерусскому поэту-сказителю;

- комментарии рассказчика;
- описание природы рассказчиком;
- обращение рассказчика к русской земле: *О русская земля! Уж ты за холмом!* (в одних только этих строках передана вся боль и тоска русского человека по родной земле и разрыв связи с ней предвещает и ход похода князя Игоря (Епифанцев, 2013);
- слова рассказчика о походе Игоря с описанием природы;
- прямое обращение рассказчика к половцам и отрицательное отношение к ним:
  - описание природы вместе с описанием поля сражения рассказчиком, используя инфинитивные предложения, показывающие неизбежность ситуации; <...> *быть грому великому,/ Идти дождю стрелами с Дону Великого!/ Тут копьям преломиться<...>*
- ещё раз обращение рассказчика к русской земле и выражение: *О русская земля! Уж ты за холмом!*;
- описание рассказчика и его обращение к Всеволоду (2 раза);
- монолог рассказчика об истории России: сравнение прошлого с настоящим;
- обращение рассказчика к самому себе и дальнейшее описание происходящих событий;
- описание рассказчика и прямая речь русских жён;
- обращение рассказчика к обобщенным адресатам, продолжение описания Киева и комментарии о причинах данной ситуации и сообщение о том, что Святослав в Киеве на горах смутный сон видел;
  - прямая речь Святослава о том, что он видел во сне;
  - прямая речь бояр, реагирующих на сон Святослава;
  - описание рассказчика;
  - прямая речь Святослава (Золотое слово) и его обращение к Игорю и Всеволоду;
- обращение рассказчика к Всеволоду;

- обращение рассказчика к Рюрику и Давыду;
- обращение рассказчика к Осмомыслу Ярославу;
- обращение рассказчика к Роману и Мистиславу;
- обращение рассказчика к Ингвару, Всеволоду и всем трем Мстиславичам;
- обращение рассказчика ко всем внукам Ярослава и Всеславу;
- комментарии рассказчика о Всеславе и пересказ стихов Бояна о нем;
- экспрессивная реакция рассказчика на происходящее и его обращение к русской земле;
- описание рассказчика;
- прямая речь Ярославны, которая слышится на Дунае;
- описание рассказчика;
- прямая речь Ярославны, которая сначала обращается к ветру и упрекает его, потом обращается к Днепру Словутичу с просьбой и, наконец, обращается к солнцу с упреком!
- комментарии рассказчика о побеге Игоря;
- диалог между Донцом и Игорем;
- рассказчик выражает свое мнение об отношении князя к реке Стугне и описывает происходящее на берегу реки Днепр;
- комментарии рассказчика о происходящих во время побега Игоря событиях и описание природы;
- диалог между Гзаком и Кончаком (врагами Игоря) о том, как создать препятствия Игорю;
- выражение отношения рассказчика к Игорю цитатами из Бояна и Ходына
- песнотворцев старого времени;
- описание ситуации рассказчиком, когда князь Игорь уже на русской земле: *Солнце светится на небе/<...>/ Села рады, града веселы;*
- произведение заканчивается тремя молитвами рассказчика, как рассказчика-певца, который раньше пел песнь старым князьям, а сейчас поет молодым: *«Слава Игорю Святославичу<...>!/ Здрaвы будьте, князья и*

дружина <...>! / Князя слава и дружине! Аминь.

Далее отдельно мы рассмотрим речевые акты, употребляемые в произведении.

Речевые акты в произведении «Слово о полку Игореве».

В данном произведении насчитывается 213 речевых актов. Анализ показал, что 75% речевых актов входят в число репрезентативов. Репрезентативы встречаются и в речи рассказчика и в речи персонажей. Большинство репрезентативов относятся к сообщениям. Обратите внимание на примеры сообщения:

В речи рассказчика: *Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя/ и поехал по чистому полю.*

В речи других персонажей: *И сказали бояре князю:/ «<...>Уже соколам крылья подсекли/ саблями поганых/ А самих опутали в пути железные».*

Можно сказать, что сообщение – самый многочисленный речевой акт в произведении.

Кроме сообщения из группы репрезентативов в произведении встречается речевой акт осуждение (о речевом акте осуждения (см. (Гловинская 1993. 194-197)).

Рассказчик после того, как описывает состояние Киева и русской земли «*Тоска раздалась по русской земле <...>*» осуждает Игоря и Всеволода за то, что «*сами на себя крамолу ковали...*», и дальше дает обоснование: «*Ибо те два храбрых Святославича/ Игорь и Всеволод,/ уже коварство пробудили раздором...*»

Речевой акт осуждение еще более ярко выражен в золотом слове Святослава. Обратите внимание: «*Рано начали вы половецкой земле/ мечами обиду творить,/ а себе славы искать <...>*».

В произведении встречается речевой акт прогнозирование, относящийся к группе репрезентативов. Обратите внимание на примеры прогнозирования в речи рассказчика: *А Игорева храброго войска не воскресить!*

В речи русских жён тоже встречается прогнозирование: *«Уже нам своих милых лад/ ни в мыслях помыслить,/ ни дуною сдумать, ни глазами повидать, а золота и серебра и пуще того в руках не подержать!»*

Прогнозирование выражено в произведении инфинитивными предложениями. В.М. Брицын инфинитивным предложениям приписывает функцию предстояния (Брицын 1990. 208-250) или прогнозирования (об инфинитивных предложениях еще см. (Дастамуз 2013)).

После репрезентативов второе место занимают директивы. 10 % речевых актов произведения «Слово о полку Игореве» относятся к директивам. Интересно, что директивы больше всего встречаются в речи самого рассказчика. Обратите внимание на примеры директивов в речи рассказчика: *Пусть начнется же песнь эта/ по былям нашего времени,/ а не по змышлению Бояна.*

В другом месте сам рассказчик, обращаясь к Рюрику и Давыду говорит: *Вступите же, господа, в золотое стремя/ За обиду нашего времени, ...*

Или в другом месте, обращаясь к Галицким: *Стреляй же, господин, кончака,/ Поганного раба,/ За землю русскую...*

Директивы встречаются, когда рассказчик обращается к Ингвар и Всеволоду, и всем трем Мстиславичам: *Загородите полю ворота/ Своими острыми стрелами/ за землю русскую ...* и когда рассказчик обращается ко всем внукам Ярослава и Всеслава: *уже склоните тяги свои,/ вложите в ножны мечи свои повреждённые.*

Директивы также встречаются в речи Всеволода: *Сделай же, брат,...* и в речи других персонажей. Например, когда Игорь говорит своей дружине: *«... так сядем, братья,/ На борзых коней...»* или в речи Ярославны: *«...Прилелей же, господин, моего милого ко мне...»*.

Надо отметить, что в данном исследовании мы вслед за В.С. Храковским и А.П. Володиным отнесли обращение к директивам. В.С. Храковский и А.П. Володин, определяя место вокатива в системе русского языка, отмечают, что: «Вокатив (=обращение, звательная форма) в системе форм имени занимает то

же место, что и императив в системе форм глагола» (Храковский, Володин 2002. 247). В исследуемом произведении вокатив встречается в золотом слове Святослава: *О дети мои, Игорь и Всеволод!* Обратите внимание на примеры вокатива в речи рассказчика: *Велий князь Всеволод!; Ты, буйный Рюрик, и Давыд!; Гаицкий Осмомысл Ярослав!*

Кроме директивов в произведении «Слово о полку Игореве» встречаются экспрессивы. Они составляют 8 %. Экспрессивы в данном произведении выражают отношение рассказчика к героям. Обратите внимание на примеры экспрессивов:

Горе и тоска сыну Глебову!

Не худого гнезда соколы!

Тем более что произведение «Слово о полку Игореве» заканчивается экспрессивными выражениями автора: *Здравы будьте, князья и дружина,/ Борясь за христиан/ против нашествий поганых!/ Князьям слава и дружине!/ Аминь.*

7 % речевых актов данного произведения относятся к косвенным речевым актам. Обратите внимание на косвенные речевые акты и их функции:

Косвенный речевой акт, выполняющий функцию интродуктивного вопроса: – *Пристало ли нам, братья,/ Начать старыми словами/ Печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича?*

Косвенные речевые акты, выполняющие функцию риторического вопроса:

– ..., *братья, кто забыл честь и богатство...*

– *Что мне шумит,/ что мне звенит,/ Издалека рано перед зорями?*

Косвенный речевой акт с функцией упрека встречается в речи нескольких персонажей произведения:

В золотом слове Святослава: *Что же сотворили вы моей серебряной седине?*

В речи Ярославны: *О ветер, ветрила!/ Зачем, господин, веешь ты навстречу? Зачем мчишь хиновские стрелочки .../ Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?* И т. д.

Косвенный речевой акт, выполняющий функцию просьбы: *Не думаешь ли ты прилететь издалека/ Отчий золотой престол поблюсти?*

Косвенный речевой акт, выполняющий функцию экспрессивного сообщения: *Не ваши ли воины/ злечеными шлемами в крови плавали?/ Не ваша ли храбрая дружина/ рыкает, как туры,/ ранены саблями калеными,/ на поле незнаемом?*

Косвенный речевой акт, выполняющий функцию побуждения: *Где же ваши золотые шлемы/ и копыа польские / и щиты?*

Относительно комиссивов и деклараций можно сказать, что их нет в данном произведении. В приведенной ниже таблице представлена частотность речевых актов в произведении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» в процентах:

Речевые акты	Репрезентативы	Директивы	Экспрессивы	Косвенные речевые акты	Комиссивы	Декларация
%	75 %	10 %	8 %	7 %	-	-

Заключение

В основе произведения «Слово о полку Игореве» лежит сложная коммуникативная картина, разделяющая произведение на разные коммуникативные блоки. У автора разные адресаты. Обобщенные адресаты (читатели или «зрители»), которых автор называет «братья» и целый ряд других персонажей, к которым автор обращается на протяжении всего произведения. Коммуникативные блоки произведения связываются

комментариями рассказчика, находящегося в центре коммуникации.

Исходя из того, что большинство речевых актов, употребляемых в произведении, относятся к репрезентативам, можно сделать вывод о том, что произведение имеет повествовательный характер. Хотя автор путем изменения коммуникативной стратегии своей речи старается воздействовать на адресата (например, воздействовать на всех великих князей Руси для того, чтобы вызывать их на спасение Игоря и на спасение Руси). Именно поэтому директивы занимают второе место в данном произведении. Автор данного произведения для усиления действенности своего призыва включает в него слова других персонажей, которые актуализируют разные иллокутивные силы, например, золотое слово Святослава, речь русских жён или речь Ярославны. Автор обращается к своим врагам половцам и в другом месте он обращается к русской земле. В данном случае экспрессивы играют важную роль.

Итак, анализ произведения «Слово о полку Игореве» в прагматическом аспекте дает возможность систематически включать произведения древнерусской литературы в упрощенном виде в учебники для иностранных студентов. Кроме того, если в ходе перевода данного произведения обратить большее внимание на иллокутивные функции речи рассказчика и персонажей и воплотить их в переводе, то получится более верный и близкий русскому тексту перевод данного произведения. Особенно эта необходимость ощущается применительно к косвенным речевым актам и экспрессивным выражениям, существующим в произведении в форме инфинитивных предложений, отсутствующих в персидском языке.

Литература

- Брицын В.М. (1990). *Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке*. Киев. Изд-во "Наукова думка", 318 с.
- Гловинская М.Я. (1993). *Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва. Изд-во "Наука", С. 158-218.

- Демин А.С. (2008). *Слово о полку Игореве*// Литература московской и домосковской руси. Москва. Изд-во "Языки славянской культуры", С. 55-70.
- Дастамуз С. (2013). *Русские вопросительные инфинитивные предложения в коммуникативно-прагматическом аспекте*. Москва // Канд. дисс. МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Епифанцев С. (2013). *О, русская земля! Ты уж за холмом!*, (ссылка доступна на <http://www.ruvek.ru/?module=articlesp&action=view&id=8153/> 03.02.2015)
- Карими-Мотахар Дж. (2007). *Теория литературы*. Тегеран. Изд-во "Тегеранский университет", 272 с.
- Кобозева И.М. (1986). «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. Москва. Изд-во "Прогресс", С. 7-21.
- Кобозева И.М. (2009). *Лингвистическая семантика*. Москва. Изд-во "Либроком", 352 с.
- Кронгауз М.А. (2005). *Семантика*. Москва. Изд-во "Академия", 352 с.
- Мирский Д.П. (2006). *История русской литературы с древнейших времен по 1925 год* / Пер. с англ. Р.Зерновой 2-е изд. Новосибирск. Изд-во "Свинья и сыновья", 872 с. (ссылка доступна на <http://zadocs.ru/literatura/271/index.html?page=3/> 23.04.2015)
- Остин Дж.Л. (1986). *Слово как действие* // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. Москва. Изд-во "Прогресс", С. 22-130.
- Сергеев С.П. (2006). *Устный экзамен по литературе*. Экзаменационные ответы. Москва. Изд-во "Буклайн", 160 с.
- Серль Дж.Р. (1986а). *Классификация иллокутивных актов* // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. Москва. Изд-во "Прогресс", С. 170-194.
- Серль Дж.Р. (1986б). *Косвенные речевые акты* // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. Москва. Изд-во "Прогресс", С. 195-223.
- Серль Дж.Р. (1986в). *Что такое речевой акт?* // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. Москва. Изд-во "Прогресс", С. 151-170.
- Серль Дж.Р., Вандервекен Д. (1986). *Основные понятия исчисления речевых актов* // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVIII. Логический анализ естественного языка. Москва. Изд-во "Прогресс", С. 242-263.
- Слово о полку Игореве* (1984). Дословный перевод Д.С. Лихачева. Москва. Изд-во "Просвещение". (ссылка доступна на <http://www.gramma.ru/LIT/?id=2.1/> 20.01.2015)
- Степанова Е.Б. (1993). *Значение русских общевопросительных предложений*. Москва // Канд. дисс. МГУ имени М.В. Ломоносова.

- Стросон П.Ф. (1986). *Намерение и конвенция в речевых актах* // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. Москва. Изд-во "Прогресс", С. 131-150.
- Терехова А. (2009). *Всеобщая история литературы*. Москва. Изд-во "Эксмо", 544 с.
- Толковый БЭС* (2006). С.М. Сенарская. Москва. Изд-во "Норинт".
- Храковский В.С. Володин А.П. (2002). *Семантика и типология императива: Русский императив*. Москва. Едиториал УРСС, 272 с.

Bibliography

- Bricyn V.M. (1990). *Sintaksis i semantika infinitiva v sovremennom russkom jazyke*. Kiev. Izd-vo "Naukova dumka", 318 s.
- Glovinskaja M.Ja. (1993). *Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyh aktov* // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt. Moskva. Izd-vo "Nauka", S. 158-218.
- Demin A.S. (2008). *Slovo o polku Igoreve*// Literatura moskovskoj i domoskovskoj rusi. Moskva. Izd-vo "Jazyki slavjanskoj kul'tury", S. 55-70.
- Dastamuz S. (2013). *Russkie voprositel'nye infinitivnye predložhenija v kommunikativno-pragmatičeskom aspekte*. Moskva // Kand. diss. MGU imeni M. V. Lomonosova.
- Epifancev S. (2013). *O, russkaja zemlja! Ty uzh za holmom!*, (ssylka dostupna na <http://www.ruvek.ru/?module=articlesp&action=view&id=8153/03.02.2015>)
- Karimi-Motahhar Dzh. (2007). *Teorija literatury*. Tegeran. Izd-vo "Tegeranskij universitet", 272 s.
- Kobozeva I.M. (1986). «*Teorija rechevyh aktov*» kak odin iz variantov teorii rechevoj dejatel'nosti // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XVII. Teorija rechevyh aktov. Moskva. Izd-vo "Progress", S. 7-21
- Kobozeva I.M. (2009). *Lingvističeskaja semantika*. Moskva. Izd-vo "Librokom", 352 s.
- Krongauz M.A. (2005). *Semantika*. Moskva. Izd-vo "Akademija", 352 s.
- Mirskij D.P. (2006). *Istorija russkoj literatury s drevnejših vremen po 1925 god* / Per. s angl. R. Zernovoj. 2-e izd. Novosibirsk. Izd-vo "Svin'in i synov'ja", 872 s. (ssylka dostupna na <http://zadocs.ru/literatura/271/index.html?page=3/23.04.2015>)
- Ostin Dzh.L. (1986). *Slovo kak dejstvie* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XVII. Teorija rechevyh aktov. Moskva. Izd-vo "Progress", S. 22-130.
- Sergeev S.P. (2006). *Ustnyj jekzamen po literature*. Jekzamenacionnye otvety. Moskva. Izd-vo "Buklajn", 160 s.

- Serl' Dzh.R. (1986a). *Klassifikacija illokutivnyh aktov* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XVII. Teorija rechevyh aktov. Moskva. Izd-vo "Progress", S. 170-194.
- Serl' Dzh.R. (1986b). *Kosvennye rechevyje akty* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XVII. Teorija rechevyh aktov. Moskva. Izd-vo "Progress", S. 195-223.
- Serl' Dzh.R. (1986v). *Chto takoe rechevoj akt?* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XVII. Teorija rechevyh aktov. Moskva. Izd-vo "Progress", S. 151-170.
- Serl' Dzh.R., Vanderveken D. (1986). *Osnovnye ponjatija ischislenija rechevyh aktov* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XVIII. Logicheskij analiz estestvennogo jazyka. Moskva. Izd-vo "Progress", S. 242-263.
- Slovo o polku Igoreve* (1984). Doslovnij perevod D.S. Lihacheva. Moskva. Izd-vo "Prosveshhenie". (ssylka dostupna na <http://www.gramma.ru/LIT/?id=2.1/20.01.2015>)
- Stepanova E.B. (1993). *Znachenie russkih obshhevoprositel'nyh predlozhenij*. Moskva // Kand. diss. MGU imeni M.V. Lomonosova.
- Stroson P.F. (1986). *Namerenie i konvencija v rechevyh aktah* // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk XVII. Teorija rechevyh aktov. Moskva. Izd-vo "Progress", S. 131-150.
- Terehova A. (2009). *Vseobshhaja istorija literatury*. Moskva. Izd-vo "Jeksmo", 544 s.
- Tolkovyj BJeS* (2006). S.M. Senarskaja. Moskva. Izd-vo "Norint".
- Hrakovskij V.S., Volodin A.P. (2002). *Semantika i tipologija imperativa: Russkij imperativ*. Moskva. Editorial URSS, 272 s.

رویکرد کاربردشناختی در تحلیل اثر «کلامی درباره هنگ ایگور»

سعیده دست‌آموز*

استادیار دانشگاه الزهرا^(س)

تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۵)

در این مقاله به بررسی اثر «کلامی درباره هنگ ایگور» از دیدگاه کاربردشناختی خواهیم پرداخت. مبنای کار، ترجمه واژه به واژه لیخاچف از این اثر است. این اثر به‌عنوان گفتمان و در چهارچوب تئوری کنش‌گفتاری جان سیرل بررسی شده است و کنش‌های گفتاری به‌کاررفته در آن تفکیک شده‌اند. چنین رویکردی در تحلیل اثر، این امکان را فراهم می‌آورد تا بلوک‌های ارتباطی متن را تفکیک و مقاصد نویسنده را تعیین کنیم که چگونه از طریق تغییر استراتژی ارتباطی گفتار، سعی در تأثیرگذاری بر روی مخاطبان دارد. علاوه‌براین در مقاله حاضر اهداف منظوری گفتار سایر شخصیت‌های اثر تعیین شده و تحلیل آماری انواع کنش‌های گفتاری به‌کاررفته در آن ارائه می‌شود. نتایج این پژوهش می‌تواند برای ترجمه این اثر به زبان‌های دیگر و نیز برای اهداف آموزشی در کلاس‌های خارجی‌زبانان سودمند باشد.

واژگان کلیدی: ادبیات روسیه باستان، کنش‌گفتاری، کارکرد منظوری، گفتمان، زبان روسی.

---

* E-mail: s.dastamooz@alzahra.ac.ir

این مقاله مستخرج از طرح پژوهشی (تحلیل کاربردشناختی و ارتباطی اثر باستانی روسی با عنوان «کلامی درباره هنگ ایگور») است که با حمایت مالی معاونت محترم پژوهشی دانشگاه الزهرا^(س) انجام شده است.

آ. اس. خامیکوف و ان. پ. گیلیاروف-پلاتونوف (درآمدی بر تاریخ آشنایی و همکاری ادبی)

آندری دمیتریف*

استادیار پژوهشی انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) آکادمی علوم روسیه.

سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۵)

آلکسی ستیانوویچ خامیکوف، شاعر، مورخ و متخصص الهیات که بعدها ایده‌پرداز اسلاوگراها شد و همکار کوچک ترش، نیکیتا پتروویچ گیلیاروف-پلاتونوف که شخصیت برجسته مذهبی و اجتماعی، فیلسوف و روزنامه‌نگار عصر خود به‌شمار می‌رفت، در سال ۱۸۵۳ میلادی با یکدیگر آشنا شدند و در طول هفت سال، با یکدیگر روابط دوستانه و نزدیکی داشتند؛ این امر به رشد و پیشرفت پرثمر جهان‌بینی هر دوی آن‌ها کمک شایانی کرد. ارتباط ادبی و هنری نزدیک آن دو را می‌توان بر اساس منابعی که در آرشیوها نگهداری می‌شود (خاطرات و یادداشت‌های روزانه و رساله‌ها) آشکار نمود. گفتنی است که این منابع برای نخستین بار در پژوهش حاضر به چرخه علمی وارد شده‌اند. خامیکوف و گیلیاروف-پلاتونوف از نویسندگان فعال مجله «گفتگوی روسی» (Русская беседа) بودند و درباره آثار خود پیش از انتشار با یکدیگر بحث و گفتگو می‌کردند. گیلیاروف-پلاتونوف پس از مرگ خامیکوف، آثار دینی او را از زبان فرانسه به روسی ترجمه کرد و در قالب یادداشت‌های روزانه و نامه‌ها به تبیین مسائل دینی، تاریخی و ادبی‌ای پرداخت که هر دو نویسنده در آن‌ها دیدگاه‌های مشترکی داشتند؛ گیلیاروف-پلاتونوف همچنین به اختلاف‌نظرهای موجود میان خود و خامیکوف نیز اشاره کرد.

واژگان کلیدی: خامیکوف، گیلیاروف-پلاتونوف، اسلاوگرایی، فلسفه دینی، بیوگرافی، خاطرات.

مفهوم زمان سیسلیک در آثار ی. ای. زامیاتین، آ. پ. پلاتونوف

و ام. ام. پریشوین

ایرینا پاپووا*

دانشیار دانشگاه دولتی کشاورزی میچورینسک.

میچورینسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۵)

مقاله حاضر به بررسی پدیده سیسلیک بودن وجود جهان می‌پردازد. فلاسفه و ادیبان از زمان‌های باستان تا به امروز به مسئله انقطاع جریان معمول حوادث و اتفاقات با عناصر تخریب‌گر جامعه (فرارسیدن هرج و مرج) پرداخته‌اند. نگارنده در این پژوهش کوشیده‌است ثابت کند که نویسندگان روسی سعی می‌کردند بر اساس نمونه مشخصی از شیوه حکومت‌ها و فرآیندهای اجتماعی که در جامعه رخ می‌دهد، نسخه‌ها و راه‌کارهایی جهت جلوگیری از حاکم شدن دوباره عهد هرج و مرج ارائه دهند. زامیاتین، پلاتونوف و پریشوین، بررسی فرآیند رشد و پیشرفت جهان و جامعه بشری را بر اساس قوانین واحد پیشنهاد کردند، مدل‌های این فرضیه را به شکل نمونه‌ها و تصاویر ادبی و هنری ساختند و در مقاله‌های مطبوعاتی، رساله‌های فلسفی و یادداشت‌های روزانه به اثبات و توجیه آن‌ها پرداختند. این مدل‌ها به لحاظ فلسفی، ادبی و هنری بسیار به جا و متقاعدکننده به نظر می‌رسند؛ استعداد شگرف و حساسیت تحیر برانگیز آفرینندگان این آثار تضمین‌کننده این امر است.

واژگان کلیدی: زامیاتین، پلاتونوف، پریشوین، سیمای ادبی و هنری، فلسفه، پدیده سیسلیک بودن، هرج و مرج.

شکل‌گیری شهرت ادبی آ. پ. چخوف در روسیهٔ پایان سدهٔ نوزدهم و آغاز سدهٔ بیستم

لیا بوشکانتس*

دانشیار دانشگاه فدرال کازان.

کازان، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۵)

مقاله حاضر به بررسی یکی از جوانب شکل‌گیری شهرت ادبی آ. پ. چخوف در زمان حیات او می‌پردازد. با وجود آنکه سرنوشت ادبی چخوف، داستان موفقیتی ساده و پیش‌پافتاده می‌نماید اما در حقیقت، شهرت یافتن او مسئله‌ای پیچیده و دشوار است که در آن عوامل ادبی، غیرادبی، تاریخی و ویژگی‌های روان‌شناختی اجتماعی خوانندهٔ روشنفکر دخیل هستند. برخی از این عوامل در واقع انعکاس‌دهندهٔ نظام‌های پروسهٔ ادبی هستند که در آن نقش حادثه و اتفاق نمود پیدا می‌کند. چالش میان نقد حرفه‌ای و خوانندهٔ روشنفکر و آزاد، در شکل‌گیری شهرت ادبی این نویسنده نقشی اساسی ایفا کرد؛ همین خوانندگان روشنفکر بودند که برخلاف نظر منتقدان، شهرت ادبی چخوف را تعیین می‌کردند. برای درک این فرآیند، علاوه بر مراجعه به منابع نقد ادبی اواخر سدهٔ نوزدهم باید منابع گوناگونی که به‌نوعی روحیات خوانندگان را نشان می‌دهند و پیش‌ازاین وارد چرخهٔ ادبی نشده بودند، نیز بررسی شوند؛ منابعی چون مقالات ادبی، نامه‌های خوانندگان به چخوف، هجوهای روزنامه‌ای و مقالات فکاهی تنقیدی و غیره. تاکنون دربارهٔ تحلیل شکل‌گیری شهرت ادبی چخوف در فضای چالشی اشاره‌شده، پژوهشی انجام نشده است.

واژگان کلیدی: چخوف، شهرت ادبی، نقد ادبی، نقش خواننده در فرآیند ادبی.

موتیو ارتباط با خدا در اشعار روسی ثلث آغازین سده نوزدهم

تاتیانا نسترووا*

استاد دانشگاه دولتی کشاورزی میچورینسک.

میچورینسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۵)

در مقاله حاضر، شعر روسی ثلث آغازین سده نوزدهم تحلیل و بررسی شده است. این مقوله، همانند کل ادبیات روسی، هیچ‌گاه به‌طور خاص جولانگاه ادب و هنر نبوده، بلکه به‌عنوان فاکتور خودآگاهی ملی دوره تاریخی نیز نقش‌آفرینی کرده است. تصمیم‌گیری برای حل چالش‌های ادبی و هنری، سرایندگان را بر آن داشت تا به موضوعات تاریخی و سنت‌های مذهبی-ارتدکسی فرهنگ روسی که در حقیقت فاکتورهای تعیین‌کننده اصول و پایه‌های اصالت ملی هستند، رجوع کنند. شاعران با استعدادها گوناگون، مواضع و دیدگاه‌های ایدئولوژیک و گرایش‌های ادبی متنوع در یک‌چیز با یکدیگر اشتراک دارند و آن اینکه، سرچشمه‌های خودآگاهی ملی بر دوپایه اولیه استوار است: عقاید معنوی مرتبط با مذهب ارتدکس، و اصول تاریخی مبتنی بر ایدئولوژی‌های حکومتی. هردوی این‌ها با همکاری بی‌واسطه با یکدیگر، مهم‌ترین ویژگی بینش روسی به جهان اطراف را آشکار می‌سازند، بینشی که در مسیر کهن‌الگوی رستاخیز قرار دارد و قائل به ارجحیت اصول معنوی در زندگی است. شاعران با توسل به ژانر دعا، از طریق موتیو ارتباط با خدا، ارزش فراوانی به سخن می‌بخشند.

واژگان کلیدی: خدا، مذهب ارتدکس، دعا، ارتباط با خدا، عقاید معنوی.

بررسی تطبیقی موضوع مرگ و زندگی در «مثنوی» مولوی و «مرگ ایوان ایلیچ» لف تالستوی

مهرنوش شعبانی*

دانشجوی کارشناسی ارشد ادبیات روسی دانشگاه تهران.

تهران، ایران.

جاناله کریمی مطهر**

استاد دانشگاه تهران.

تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۵)

در طول تاریخ بسیاری از ادیبان در مورد پرسش‌های اساسی بشر، به‌ویژه مسئله مرگ و زندگی مطالبی نگاشته‌اند. در میان آنان می‌توان از شاعر صوفی و عارف پارسی، مولانا جلال‌الدین محمد بلخی و نیز نویسنده و متفکر نامدار روسی، لف نیکالایویچ تالستوی نام برد. مولانا معتقد بود که این جهان گذرگاهی است به سوی جهان ابدیت. به عقیده وی انسانی که به دنبال خلق نیکی‌هاست و به‌درستی زندگی می‌کند، از مرگ نمی‌هراسد. تمام آنچه را که او در این اثر خود بیان می‌کند، می‌توان در این جمله خلاصه کرد: «تا نمیری، نرهی». تالستوی نیز مرگ را سرآغازی برای حیاتی تازه می‌پنداشت و معتقد بود که باید ساده و زیبا زیست و به انسان‌ها عشق ورزید، در آن صورت ترس ما از مرگ کاهش می‌یابد.

واژگان کلیدی: بررسی تطبیقی، زندگی، مرگ، مولانا، ل. ن. تالستوی، «مثنوی معنوی»، «مرگ ایوان ایلیچ».

---

* Email: mehrnooshshabani@yahoo.com

** E-mail: jkarimi@ut.ac.ir (نویسنده مسئول)

چکیده‌های فارسی

بررسی اصطلاحات حرفه‌ای در حوزه رایانه از دیدگاه زبانشناختی

تامارا یروفی‌یوا*

استاد دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم.

پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۵)

حوزه فناوری‌های رایانه‌ای، زبان ویژه خود را می‌سازد. امروزه این حوزه هم به شکل سیستمی غنی از واژگان تخصصی و هم به شکل اصطلاحات حرفه‌ای نمود پیدا کرده است. در این مقاله به تاریخچه استفاده از اصطلاح «زبان حرفه‌ای» (Сленг) که از دهه هشتاد سده بیستم در روسیه رواج گسترده‌ای یافته، پرداخته شده است. در حوزه رایانه، مجموعه اصطلاحات حرفه‌ای بخش چندلایه‌ای از واژگان را تشکیل می‌دهند که می‌توان آن‌ها را با استفاده از شیوه تعیین ساختار حوزه معنایی ارائه نمود. ۲۷۸ واحد واژگانی از اصطلاحات حرفه‌ای در حوزه رایانه که با روش نمونه‌برداری مستمر از فرهنگ لغت «اصطلاحات حرفه‌ای جوانان: فرهنگ تفسیری» ت. گ. نیکیتینا استخراج شده‌اند، در پنج گروه موضوعی توزیع شده‌اند: ۱- برنامه‌ها و عملکردها؛ ۲- سیستم‌ها، سمبل‌ها و نشانه‌ها؛ ۳- اعمال و فرمان‌ها؛ ۴- قطعات و تجهیزات؛ ۵- انسان. در مقاله با استفاده از داده‌های درصدی، حوزه معنایی واژگان رایانه‌ای را تعیین می‌نماییم. گروه چهارم که تجهیزات رایانه را توصیف می‌کند در جایگاه اول، و اعمال و فرمان‌ها (گروه سه) که بخش مهمی برای کاربران به‌شمار می‌آیند، در جایگاه دوم قرار می‌گیرند. گروه اول در جایگاه سوم قرار می‌گیرد و درصد قابل توجهی را به‌خود اختصاص می‌دهد؛ زیرا هدایت عمل را تشریح می‌کند. گروه دوم که سهمی حدود ۹ درصدی در حوزه معنایی واژگان رایانه‌ای دارد و بی‌شک از اجزای مهم سیستم مورد اشاره به‌شمار می‌آید، جایگاه چهارم را به‌خود اختصاص می‌دهد. در جایگاه آخر، گروه «انسان» که این سیستم را به‌کار می‌اندازد، قرار می‌گیرد. به این ترتیب، به کمک ساختار حوزه معنایی، ویژگی‌های خاص مجموعه واژگانی اصطلاحات حرفه‌ای حوزه رایانه تعیین می‌گردد.

واژگان کلیدی: اصطلاحات حرفه‌ای رایانه‌ای، شیوه نمونه‌برداری مستمر، مجموعه اصطلاحات حرفه‌ای، حوزه معنایی، گروه‌های موضوعی.

فهرست

- ۵ بررسی اصطلاحات حرفه‌ای در حوزه رایانه از دیدگاه زبانشناختی
تامارا یروفی‌یوا
- ۲۵ بررسی تطبیقی موضوع مرگ و زندگی در «مثنوی» مولوی و «مرگ ایوان ایلیچ» لف تالستوی
مهرنوش شعبانی / جان‌اله کریمی مطهر
- ۴۱ موتیو ارتباط با خدا در اشعار روسی ثلث آغازین سده نوزدهم
تاتیانا نسترووا
- ۵۷ شکل‌گیری شهرت ادبی آ. پ. چخوف در روسیه پایان سده نوزدهم و آغاز سده بیستم
لیا بوشکانتس
- ۷۵ مفهوم زمان سیسلیک در آثار ی. ای. زامیاتین، آ. پ. پلاتونوف و ام. ام. پریشوین
ایرینا پاپووا
- آ. اس. خامیکوف و ان. پ. گیلباروف-پلاتونوف (درآمدی بر تاریخ‌شنایی و همکاری ادبی)
- ۹۱ آندری دمیتریف
- ۱۰۷ رویکرد کاربردشناختی در تحلیل اثر «کلامی درباره هنگ ایگور»
سعیده دست‌آموز
- ۷ چکیده‌های فارسی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۱۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵
بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی
زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست
الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:

iarll.yahyapour@gmail.com

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>	
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:		
شغل / نوع فعالیت:	میزان تحصیلات:	
نشانی:		
تلفن:		
کد پستی:	صندوق پستی:	
شماره‌های درخواستی از شماره	تا شماره	تعداد
درخواستی از هر شماره:	تاریخ:	
امضاء		

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

(دو فصلنامه علمی-پژوهشی)

نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشیین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو علوم اجتماعی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
محمدرضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: زینب صادقی سهل‌آباد

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا: ۲۳۴۵-۲۴۹۸

بها: ۱۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: www.iarll.ir

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی- پژوهشی اعطا شده است.

*****

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام) و SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی) نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) به آدرس سردبیر iarll.yahyapour@gmail.com ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه در سایت انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی <http://iarll.ir> مراجعه فرمایید.